

ОЛЬГА БАСКОВА

ПРОКЛЯТОЕ ЗОЛОТО

Грант «Новые имена»

БЕСТСЕЛЛЕР

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

16+

Бестселлер (Союз писателей)

Ольга Баскова

Проклятое золото

«Издательство «Союз писателей»

2018

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос=Рус)

Баскова О.

Проклятое золото / О. Баскова — «Издательство «Союз писателей», 2018 — (Бестселлер (Союз писателей))

ISBN 978-5-00073-818-4

Это был настоящий скандал! В Большом Левшинском переулке, где жили исключительно звёзды эстрады и прочие выдающиеся личности, произошло убийство! Весь Союз следил за ходом расследования, которое вели лучшие сыщики Москвы. Говорили, жертвой преступника стала приёмная дочь самой Нонны Поляковой, а обширная коллекция её драгоценностей исчезла в неизвестном направлении. Чтобы собрать по частям головоломку, следователям пришлось изрядно потрудиться. Но даже успех операции не гарантировал, что дело закончится так просто. Галине Лопатиной, жительнице современного Приморска, кажется, что проблемы обступили её со всех сторон. Болезнь матери, увольнение с работы, домогательства бывшего мужа, отсутствие денег и возможности помочь дорогому человеку... Голова идёт кругом! Она ещё не знает, что скоро ей в наследство достанется перстень, некогда пропавший из квартиры известной певицы. Само название драгоценности вселяет в душу трепет. А от легенд, связанных с кольцом «Кровь Падишаха», мурашки бегут по коже. Правду ли говорят, что перстень приносит несчастья? Или это лишь мистические бредни? Тогда почему все, кто прикасался к нему, мертвы? Пришла пора докопаться до истины и выяснить, где кончается реальность и начинается вымысел.

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-818-4

© Баскова О., 2018
© «Издательство «Союз
писателей», 2018

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	23
Часть 2	28
Глава 1	28
Часть 3	38
Глава 1	38
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Баскова

Проклятое золото

Пролог

1977 год. Москва

– Мама, мама, почему этот дядя так одет? Жарко же, мама.

Пухленькая светленькая девочка лет восьми в зелёном платье в чёрную клеточку, с забавными ямочками на кругленьких щёчках, моргала длинными пушистыми ресничками.

– Мама, ну почему? Давай скажем ему, что он простудится. Нельзя одеваться тепло, когда жарко. Он вспотеет и заболеет, правда, мамочка?

Она дёрнула за руку красивую женщину с белокурыми волосами, уложенными в высокую причёску.

– Мама, скажи ему, мама.

Женщина бросила взгляд на худого молодого человека лет тридцати, облачённого, несмотря на жару, в длинный плащ и шляпу и безучастно стоявшего возле столба на остановке, кишевшей людьми. Его лица она не разглядела, да и не стремилась к этому. «В автобус мы не попадём, – пронеслось у неё в голове. – Господи, сколько же ждать следующего?»

– Мама, мама, скажи ему, – ныла дочка. Дама слегка дотронулась до головки девочки, украшенной огромным зелёным бантом, похожим на гигантскую бабочку:

– Леночка, может быть, дядя болен. И потом, некрасиво приставать к незнакомым. Он уже достаточно взрослый, чтобы самому решать, как одеваться.

– Ну если ты так считаешь... – произнесла Лена, подражая матери, и дёрнула плечиком: – Да, наверное, ты права.

Она переключилась на крошечную болонку, вырывавшую поводок у пожилой женщины с огромной авоськой в руках:

– Мама, а купи мне пёсика!

– Этот вопрос мы, кажется, уже обсуждали, – отозвалась мать, поправляя и без того идеальную причёску. – Если ты готова вставать посреди ночи и идти гулять со своим питомцем, папа подарит тебе щенка. Если же нет и вся работа падёт на мои плечи – ни о каких животных не может быть и речи.

– Я сказала, я сказала! – девочка так сильно дёрнула руку женщины, что та пошатнулась и открыла рот, ярко обведённый помадой, чтобы утихомирить ребёнка, но тут же передумала, увидев подходящий автобус. Толпа ринулась к нему. Мужчины, забыв об элементарной вежливости, работали локтями, пробираясь к дверям. Обдавая даму едким запахом пота, они даже не пытались пропустить её вперёд.

– Быдло! – брезгливо заметила она. – Самое натуральное быдло. Понаехали из деревни! Она оттащила дочку, чтобы толпа, штурмующая автобус, не покалечила её.

– Мама, мы не успеем! – удивилась Лена. Дама махнула рукой:

– Ничего, подождём другой. Он придёт более пустой, вот увидишь.

– Но я хочу домой, – заупрямилась девочка. – Я устала. Она рванулась вперёд, но автобус уже тронулся с места, оставив на улице кучку недовольных переругивавшихся людей.

– Мама, смотри, что это? – Лена нагнулась и подняла с тротуара что-то блестящее. – Это колечко, мама.

Женщина взяла драгоценность и поднесла её к большим голубым глазам. Последние лучи заходящего солнца осветили находку, как на выставке, позволяя разглядеть каждый камешек.

Это был огромный старинный перстень. Дама поняла, что он старинный, потому что такой причудливой формы она никогда не видела, разве в кино. Большой рубин сиял, как капля крови, отбрасывая красноватые отблески.

Крошечные бриллианты, окаймлявшие его, играли всеми цветами радуги.

– Какое чудо! – вырвалось у неё. Женщина хотела опустить драгоценность, словно с неба упавшую ей в руку, в сумочку, но порядочность взяла своё.

– Граждане, – громко обратилась она к остаткам толпы, высматривавшей следующий автобус, – кто обронил кольцо?

На её счастье, люди попались честные. Они устало глядели на перстень, морщились и качали головами.

– Надо бы в милицию, – подсказала пожилая хозяйка болонки, наконец утихомирив вздорное животное, и, поддерживая ногой авоську, добавила: – Или в бюро находок. Хозяин ить первым делом туда заявится.

– Да, спасибо, – согласилась дама. – Я так и сделаю.

Она опустила кольцо в сумочку и потянула дочь за руку.

– Этот чёртов автобус мы так и не дождёмся. Поедем на такси.

– На такси? – изумилась Леночка. – Мама, я не ослышалась? На такси? Ты всегда говорила, что это дорого.

– Сегодня я устала и хочу поскорее лечь спать, – отозвалась мать. Девочка захлопала в ладоши:

– Ура! Ура!

Ведя дочь к стоянке такси, женщина решила, что ни в какую милицию она не пойдёт. Этот перстень, так неожиданно свалившийся на них, останется ей. Мужу она, конечно, ничего не скажет, зная его щепетильность. Он немедленно разовьёт бурную деятельность и отыщет владельца кольца. А это ей совсем не нужно. Рубиновое чудо будет покоиться в тайнике, дожидаться своего часа. Кто знает, может быть, она так его и не наденет. Однако драгоценность всегда пригодится на чёрный день. Чёрный день... пока ничто его не предвещает, но мало ли... В тот момент дама была недалеко от истины.

Часть 1

Приморск, 2016 год

Глава 1

– Вы сегодня прекрасно справились с заданием, Галя, – Аркадий Петрович пожал своими огромными потными ручищами маленькую влажную ладошку миниатюрной смуглой девушки с чуть раскосыми чёрными глазами и вьющимися смоляными волосами до плеч. – Я в вас не ошибся. Переговоры прошли блестяще. Французы обещали доставить необходимое оборудование через месяц. О таком я мог только мечтать! И всё благодаря вам.

На оливковых щеках Гали разлился румянец, делая её ещё более привлекательной.

– Вы мне льстите, Аркадий Петрович, – смущённо ответила она и опустила ресницы. Директор фирмы в который раз отметил, что они были длинными и загнутыми кверху безо всякой специальной туши. О таких ресницах его жена мечтала всю жизнь!

– У меня и в мыслях не было польстить вам, – отозвался он и посмотрел на группу французов, возглавляемую Жаном-Мари Бертье, высоким шатеном в безукоризненном костюме. Перехватив взгляд Аркадия, Жан-Мари улыбнулся, показав великолепные вставные зубы, и кивнул.

– Я всего лишь переводила то, что говорили вы, – тихо заметила Галя. Аркадий Петрович махнул рукой:

– Пусть так, но вы делали это прекрасно. Теперь ведите группу в «Итальянский дворик». Лариса уже договорилась с менеджером. наших гостей ждёт замечательный обед.

– Да, да, конечно, – девушка сделала шаг к французам, послав Жану-Мари самую очаровательную улыбку, но в сумочке надрывно загудел телефон, и она, спешно расстегнув молнию, с тревогой глянула на дисплей. Мама! Господи, неужели у неё опять приступ? Галина с волнением нажала на кнопку.

– Доченька, – послышался хриплый голос Елены Васильевны, – мне очень плохо, доченька. Совершенно нечем дышать. Я уже открыла все окна и всё равно задыхаюсь.

– Мама, немедленно вызывай скорую, – распорядилась Галя. – Я буду через десять минут. Она бросила телефон обратно и повернулась к шефу:

– Аркадий Петрович, пусть Лариса отведёт французов в ресторан. Я должна срочно ехать домой. Моей маме плохо.

Шеф фыркнул с неудовольствием, выпятив толстые лоснящиеся губы.

– Лариса не знает ни слова по-французски, – буркнул он. – Это невозможно. В ресторан группу поведёшь ты – и точка. Я тебя никуда не отпускаю.

– Миленький Аркадий Петрович, – девушка молитвенно сложила руки, – умоляю вас! Если я не приеду, моя мама может умереть. Я боюсь, что она потеряет сознание и не откроет врачам!

На холёном лице шефа читалось полное равнодушие. Жирные щёки тряслись, как студень. Гале захотелось ударить его чем-нибудь тяжёлым.

– Я всё равно уеду, – твёрдо сказала она.

Толстые губы издали звук, похожий на выстрел.

– Если ты сейчас покинешь группу, завтра приходи и пиши заявление по собственному, – процедил он. Галя пожала плечами:

– Я так и сделаю.

Кивнув ничего не понимавшим французам, она перекинула сумку через плечо и помчалась к стоянке такси. Хозяин небольшого серебристого «форда», явно кавказской национальности, с профилем попугая и чёрными жгучими глазами навывкате, сразу устремился к ней:

– Куда, красавица? Домчу быстрее оленя.

В голове у Гали юлой закрутилась дурацкая мысль: почему быстрее оленя? Неужели машина едет медленнее? Нужно посмотреть в Интернете скорость этого грациозного северного животного. Тьфу! Она с негодованием отогнала глупость, так некстати заполнившую мозги. Наверное, это защитная реакция. Думать о чём угодно, только не о плохом.

– На Пушкина, – объявила кавказцу девушка, даже не поинтересовавшись, за сколько рубликов житель гор домчит её до дома. Он сам добавил как-то доброжелательно, словно догадавшись, что у неё беда.

– Не бойся, ценой довольна останешься.

Она и не боялась, хотя знала: если сейчас потратится на такси, неделю придётся ездить на троллейбусе и вставать с петухами. Кавказец заботливо приоткрыл дверь, усаживая её на пассажирское сиденье:

– Куда, ты сказала? К самому подъезду доставлю такую кралю.

Он причмокнул толстыми красными, как спелые вишни, губами, над которыми, как редкий лес, курчавились усы. Галя повторила адрес, и «форд» сорвался с места. Таксист не обманул: довёз довольно быстро, но девушке казалось, что прошла целая вечность. Она не слышала, какую цену он назвал, лишь лихорадочно сунула в широкую ладонь несколько скомканных сторублёвок, что-то пробормотала и, войдя в подъезд, стала подниматься по лестнице. Ноги подкашивались, в горле пересохло. Волнение отпустило лишь тогда, когда Галя увидела запертую дверь. Молнией пронеслась мысль, что мама не вызывала скорую, а значит, ей не так уж и плохо. Девушка не стала нажимать старую потрескавшуюся кнопку звонка, дребезжавшего так, что звенело в ушах, хотя всегда любила, когда матушка открывала ей. Достав ключ, она еле попала в замочную скважину. В квартире, давно не знавшей ремонта, царил тишина, мёртвая, напряжённая.

– Мама! – крикнула Галя и бросилась в спальню. Елена Васильевна лежала на простынях, такая бледная, что почти сливалась с ними, и тяжело, хрипло дышала. Галина присела на стул рядом с кроватью:

– Мамочка, ты меня слышишь?

Женщина открыла глаза, которыми так восхищалась бабушка. И было чем восхищаться: они напоминали синие бездонные омуты. Увидев дочку, больная улыбнулась чуть-чуть, лишь уголки губ дрогнули:

– Милая моя! Опять я сорвала тебя с работы! Ну что теперь скажет твой начальник?

– Это неважно, мамочка, – Галя погладила её руку, тонкую, аристократическую, с голубыми жилками. – Тебе очень плохо?

– Чуть не задохнулась, – призналась Елена Васильевна. – Такое впечатление, что я лишилась лёгких.

– Ну почему ты не вызвала скорую? – укоризненно сказала Галина и направилась к телефону. Мать с тревогой следила за ней. Она с детства боялась врачей.

– Не нужно, доча, – прошептала женщина. – Это, скорее всего, сердечная недостаточность. Сбегай за валидолом, я положу его под язык. Так всегда делала твоя бабушка.

Галя решительно сняла трубку старого оранжевого аппарата.

– Я куплю тебе валидол, когда врач поставит диагноз, не раньше, – твёрдо произнесла девушка и набрала 103. На том конце отозвались сразу, выслушали, не перебивая, о состоянии больной и пообещали прислать машину как можно скорее. Бросив трубку на рычаг, Галя снова присела рядом с матерью.

– После их визита я буду за тебя спокойна.

– Если они заберут меня в больницу, я оттуда не вернусь, – Елена Васильевна потянула дочь за прядь волос. – Не отдавай меня, пожалуйста. Если мне суждено сегодня умереть, пусть это произойдёт дома, на моей кровати.

– Mamочка, ну что ты такое говоришь? – изумилась Галя. – Тебе всего лишь пятьдесят четыре года, ты даже не пенсионерка. Ну кто собирается на тот свет в таком возрасте?

– Доча, со мной никогда такого не было, – возразила мать. – Возможно, врачам удастся что-то сделать, возможно, и нет. Вот почему я должна сказать тебе... – она снова начала задыхаться. Галя вскочила и побежала на кухню, чтобы согреть маме воды. Она даже не представляла, какие лекарства дают в таких случаях, и лишь молча молилась на маленькую иконку Матроны Московской, купленную как-то в церковной лавке. Святая словно услышала её молитвы: через несколько секунд в квартиру позвонили.

– Это скорая! – радостно закричала девушка. – Сейчас они тебе помогут!

Она бросилась открывать, забыв, что и не запирала дверь. Доктор средних лет, с угрюмым худым лицом, деловито осведомился:

– Куда проходить?

Галя с трудом глотнула от волнения и, поймав сочувственный взгляд молоденькой медсестры, повела их за собой:

– Сюда, пожалуйста.

Елена Васильевна продолжала задыхаться и уже закатывала глаза. Врачу хватило доли секунды, чтобы оценить обстановку. Он выдал слабую улыбку, но глаза болотного цвета выражали тревогу.

– Давно задыхаетесь? – поинтересовался мужчина и, не дожидаясь ответа, вытащил стетоскоп и деловито распорядился: – Помогите матери обнажить спину.

Девушка бросилась к задыхавшейся, бледной Елене Васильевне и осторожно усадила её на подушки.

– Mamочка, нужно... – начала она, но женщина кивнула:

– Оставь. Я сама.

Она подняла ночную сорочку, местами залатанную, и Галя почувствовала стыд. Ну почему она не настояла, чтобы мать купила себе новые вещи, когда Аркадий Петрович выдел ей хорошую премию? Теперь вот совестно перед доктором. Что он о них подумает? Однако лицо врача оставалось бесстрастным. Он приложил стетоскоп к белой исхудалой спине, и Елена Васильевна поморщилась:

– Холодный.

– Лето на дворе, – процедил мужчина. – Дышите... задержите дыхание.

Впервые на его лице появилось что-то похожее на сострадание. Он повернулся к Галине:

– Рекомендована срочная госпитализация.

– Срочная госпитализация? – со страхом переспросила она. – Всё очень серьёзно, доктор?

– Трудно поставить диагноз без снимка, – буркнул врач. – Флю давно делали?

– Я проходила диспансеризацию в прошлом году, – Елена Васильевна продолжала хрипеть. – Мне сказали – всё в норме.

– Значит, сердечная недостаточность, – констатировал доктор. – Всё равно без больницы не обойдётесь.

Галя схватила его за холодную руку.

– Доктор, – умоляюще произнесла она, – не нужно в больницу. Неужели нет дорогих лекарств, которые ей помогли бы? Может быть, надо делать уколы? Я умею, я буду ухаживать, только не отправляйте её в больницу.

Врач деловито посмотрел на часы. Медсестра стояла возле него каменным изваянием.

– В принципе, я не могу настаивать, – сказал он, стараясь говорить как можно мягче. – Если вы откажетесь от госпитализации – это ваше право. Но предупреждаю: вы бессильны что-

либо сделать самостоятельно. В лёгких вашей матери – вода, нужен снимок для постановки окончательного диагноза. Даже при самом благоприятном раскладе вы не уберёте жидкость, и она задохнётся через полчаса. Если вы согласны на это – что ж, хозяин – барин, мы удаляемся.

Он встал и кивнул медсестре:

– Поехали, Кира. Нас больные ждут.

– Но постойте! – Галя снова схватила его за руку. – Сделайте ей укол! Вы не можете вот так бросить свою больную!

Доктор мягко снял её ладонь со своего запястья:

– Могу и сделаю, потому что, помимо вашей матери, есть и другие люди, нуждающиеся в нашей помощи. Вы отказываетесь от предложения, значит, дальше действуйте сами. Кстати, об уколах и таблетках. Они не очистят лёгкие, нужна система. Вот теперь я сказал всё. Прощайте.

Елена Васильевна зашлась в сильном хриплом кашле. Мужчина бросил укоризненный взгляд на Галю, словно говоря ей: «Ты ведь сама этого хотела». И девушка приняла решение:

– Госпитализируйте.

– Нет! – на багровом от напряжения лице женщины появилось упрямое выражение. – Я никуда не поеду.

Врач развёл руками:

– Милые мои, решайте скорее.

– Она поедет! – твёрдо сказала Галина и, открыв шкаф, достала большую сумку, с которой её мать обычно ездила в командировки. – Мама, подумай, какие вещи ты возьмешь?

– Я никуда не поеду, – Елена Васильевна перестала кашлять и отвернулась к стене.

– Мама, я не допущу, чтобы ты умерла у меня на руках раньше положенного срока, – Галя бросала в сумку всё: нижнее бельё, халат, платье, кофту и юбку, отмечая про себя скудность гардероба матери. – Так, захватим ещё тарелку, кружку, ложку, вилку, зубную щётку, пасту и мыло.

– Не забудьте постельное бельё, – подсказала медсестра.

– Не забудем, – сумка оказалась заполненной доверху, и девушка подняла её:

– Мама, собирайся. Что ты хочешь надеть?

– На улице жарко, – предупредил доктор. – Если какой-нибудь лёгкий халат...

Второго халата у Елены Васильевны не было, и дочка помогла ей натянуть тонкую кофточку и старую летнюю юбку.

– Сами дойдёте? – поинтересовался врач.

– Да уж постараюсь, – женщина поджала губы и направилась к двери. У порога она вдруг крепко обняла свою девочку.

– Ты что, мамочка? – изумлённо спросила Галя. Елена Васильевна снова захрипела, губы её посинели, но ей удалось произнести:

– У меня плохое предчувствие. Я больше сюда не вернусь.

– Да что ты такое говоришь? – Галина взяла мать под руку и вывела на лестницу. – Там тебя приведут в порядок. Ты же слышала, что сказал доктор... Я этого сделать не смогу.

– Ну, может, и так, – не стала спорить Елена Васильевна. – Пойдём, дочка.

Когда они вышли во двор, женщина вздохнула полной грудью и мечтательно произнесла:

– Как хорошо! Так бы и сидела на скамейке! И дышится легче.

– Ещё посидите на скамейке, – произнесла медсестра. – Не пройдёт и недели, как вернётесь домой.

Её слова порадовали Галю и вселили в неё уверенность. Мама не может умереть, ей обязательно помогут! В больнице она будет под наблюдением...

Врач поддержал больную, когда она садилась в машину.

– Боже, как не хочется! – простонала Елена Васильевна, бросив взгляд на дом. – Как не хочется уезжать!

– Ты вернёшься через неделю, – заверила её Галя. – Живая и здоровая. И мы с тобой обязательно куда-нибудь поедем.

Женщина ничего не ответила. Всю дорогу до больницы она кашляла и с тоской смотрела в окно.

В приёмном покое, где их высадила скорая, пожилая медсестра с серым от усталости лицом и небольшими усами над верхней губой поинтересовалась у врача:

– Георгий, ещё одну привёз? Кардиологическая, что ли? Учти, в кардиологии мест нет.

– Лидия Степановна, кладите её в терапию, в пульмонологию, в конце концов! – буркнул доктор. – Её нужно положить, вы понимаете? – он сделал большие глаза, и Гале стало страшно. Какой же диагноз поставил матери этот человек?

– Сейчас вам выпишут все направления, пойдёте на рентген, сдадите кровь – и вас определят в палату, – повернувшись к девушке, сказал он. – На этом я с вами прощаюсь.

Гале снова стало страшно, как будто их покидал кто-то близкий.

– Её спасут? – прошептала она.

– Надеюсь, – ответил доктор. – Во всяком случае, здесь всё для этого сделают.

Он быстро выбежал из здания, и вновь поступившими занялась пожилая медсестра. Видя тяжёлое состояние Елены Васильевны, она подвезла каталку, усадила на неё больную и покачала по коридору.

– На рентген пройдем без очереди, – Лидия Степановна толкнула дверь с белой табличкой, не обращая внимания на кричащую и стонущую очередь, лишь бросила куда-то в сторону:

– У меня больная тяжёлая, граждане. Ну, будьте же людьми!

Галя пыталась пробиться следом, но медсестра буркнула:

– Ждите здесь.

Озверевшая очередь набросилась на девушку, обвиняя бедняжку во всех смертных грехах, но Галина их не слышала. Она напряжённо размышляла. Самым важным для установления диагноза врач считал снимок. Когда же он будет готов? Сразу или на следующий день? Если на следующий день, когда же маму начнут лечить? И какое лечение ей назначат? Она добьётся, чтобы рентгенолог сию минуту описал снимок, даже заплатит, если придётся. Девушка навалилась на дверь и отлетела к стене, когда Лидия Степановна сильной рукой распахнула её и вывезла коляску с полуживой от усталости матерью.

– Скажите, когда будет готов снимок? – бросилась к ней Галя.

– Минут через десять, – медсестра смахнула с усов каплю пота. – Стой тут. Тебе всё вынесут.

– Куда же вы её повезёте сейчас? – с тревогой спросила девушка. – Где я вас найду?

– А в приёмном и найдёшь, – отозвалась Лидия Степановна. – Без снимка мы не поместим вашу маму в отделение. Тебя дождёмся в любом случае.

– Мама, я скоро! – Галя хотела обнять Елену Васильевну, но женщина, кашлянув, как-то неловко завалилась набок, и Лидия Степановна, толкнув каталку, побежала по коридору.

– Что с ней? – Галя рванулась следом, но медсестра остановила Лопатину сильной рукой:

– Я же сказала – заberi снимок! Буду ждать тебя в приёмном.

Вскоре она растворилась в полумраке коридора, пахнувшего хлоркой. Галя отвернулась к стене и, стараясь не думать о плохом, принялась ковырять синюю облупившуюся краску.

На её удивление, рентгенолог довольно быстро расправилась со снимком и вскоре стояла на пороге, сочувственно глядя на Галину.

– Снимок и заключение покажете в приёмном покое, – она вздохнула, но больше ничего не сказала, как-то неловко дёрнула плечом и скрылась. Трясущимися руками девушка поднесла к глазам заключение. Она редко понимала почерк врачей, то слишком размашистый, то микроскопический, – наверное, и рассчитанный на то, чтобы пациенты не прочитали лишнее. Но слово, написанное по-латыни, и цифры возле него бросились в глаза, как приговор. Канцер, 4-я

стадия... Галя побледнела, схватилась рукой за сердце, отчаянно забившееся в груди, как пойманная в силки птичка, и опустилась на холодный пол, судорожно вдыхая синтетический запах антисептиков. Канцер... Это значит рак... Четвёртая стадия. Не может быть! Это неправда! Рентгенолог что-то напутала. Не обращая внимания на крики толпы, она заглянула в кабинет.

– Этот снимок, – едва слышно произнесла Галя. Губы будто распухли и мешали ей говорить. Однако врач всё поняла без слов.

– К сожалению, деточка, это так, – выдохнула она. – Крепись, моя хорошая. И скорее иди в приёмный. Твоей матери требуется срочная помощь.

– Это неправда, – прошептала девушка и потеряла сознание. Она очнулась на узкой кушетке. Склонившаяся над ней медсестра, совсем ещё девчонка, наверное, только после медицинского колледжа, держала возле её носа ватку с нашатырём.

– Мама! – Галя вскочила, намереваясь бежать, но сестра остановила Лопатину.

– Снимок передан в отделение терапии, куда положили вашу маму, – пояснила она, избегая смотреть Гале в глаза. – Сейчас вы ничем не поможете Елене Васильевне. Она под аппаратами.

– Мне нужно поговорить с лечащим врачом, – бедняжка отодвинула её руку. – Девушка, вы видели снимок? Есть хоть какая-то надежда?

Изящная рука с длинными пальцами потрогала маленький золотой крестик на груди.

– Все мы в его милости. Молитесь. У нас бывали совсем безнадёжные случаи, когда лучшие врачи разводили руками. Но родственники не теряли надежду, и больные выздоравливали. Молитесь иконе Божьей Матери «Всецарица».

– Спасибо, – Галя встала с кушетки и сунула ноги в босоножки. – Как мне пройти в терапию?

– Прямо по коридору, – пояснила девушка. – Я тоже буду молиться за вашу маму. Её лечащего врача зовут Герман Борисович. Это лучший доктор нашего отделения.

«Единственная хорошая новость за сегодняшний день», – отметила про себя Галина, шагая, как сомнамбула. Ей почему-то казалось, что лучший доктор должен обязательно что-то сделать, помочь, вылечить, а если не вылечить совсем, то, по крайней мере, продлить жизнь.

* * *

Герман Борисович, на удивление, оказался совсем не таким, каким она его представляла. Лучший врач, по её мнению, должен быть пожилым, умудрённым опытом седовласым старцем, но перед ней предстал высокий, стройный голубоглазый мужчина с густыми русыми волосами, стриженными коротко, по-военному.

– Герман Борисович Боростовский, – отрекомендовался он на пороге терапевтического отделения. – А вы, как я понял, дочь Елены Васильевны Лопатиной.

Галя ещё не успела кивнуть, как он продолжил:

– Всё понятно, – на его вытянутом лице заходили желваки. Девушка встrepенулась:

– Что вам понятно? – крикнула она так громко, что сидевшая в коридоре и мирно дремавшая бабушка широко распахнула глаза и принялась оглядываться по сторонам. – Что вам понятно? Что моя мама умирает?

Доктор молчал. Вероятно, ему нечем было крыть. Это ещё больше разозлило Гаю.

– Мне сказали, что вы лучший врач в отделении. Почему же вы ничего не делаете?

– В настоящий момент мы сделали всё, что могли, – деловой тон Боростовский сменил на мягкий, доброжелательный, убаюкивающий. – Сейчас из лёгких вашей матери откачивают жидкость.

Его лазурные глаза не выражали оптимизма. Девушка задрожала.

– Я слышала, в больницах нет препаратов для лечения таких пациентов, – каждое слово давалось ей с трудом. – Но всё это меня не волнует. Скажите, что требуется, чтобы моя мама поправилась? Купить самые дорогие лекарства? Выписывайте рецепт! – она повернулась, с брезгливостью оглядывая койки, рядами стоящие вдоль стен коридора. – Оплатить отдельную палату? Я и на это готова. Моя мать не будет лежать на проходе. Не будет, вы слышите?!

– Если хотите, можете завтра забрать её домой, – Герман как-то съёжился, словно ему было стыдно произносить такие слова. – Но это в том случае, если вы в состоянии оплатить медсестру и врача, которые будут навещать больную.

Галя лихорадочно закивала:

– Да, да, конечно. Я найду деньги. Так вы выпишете мне лекарства?

Он вздохнул:

– Ладно, пойдёмте ко мне в кабинет.

Кабинет не был его личным и предназначался как минимум для трёх человек. За столом возле окна уже сидела какая-то блондинка и что-то писала. Увидев Германа, она кивнула:

– Привет. У меня Сазонова умерла. Ты в курсе?

– В курсе и очень удивлён, – буркнул мужчина, недоброжелательно глянув на коллегу. – Неужели ничего нельзя было сделать?

Женщина покосилась на Галя, но всё же откровенно ответила:

– Знаешь, лекарства от старости ещё не придумали.

Доктор побагровел:

– Ты считаешь, что старикам лечение не нужно? Пусть их привозят сюда умирать?

Смазливое личико блондинки с глубокой ямочкой на подбородке, придававшей её чертам что-то детское, покрылось бледностью.

– Ты хочешь сказать, что я ничего не предприняла для спасения пациентки? – поинтересовалась она. – В таком случае бери карту Сазоновой и неси главному. Я готова тут же уволиться, если он признает твою правоту.

Герман махнул рукой:

– Ты сама прекрасно знаешь, что сделала и чего не сделала. А к главному я не пойду. У нас хватает лизоблюдов.

Галя с уважением посмотрела на молодого доктора. Как хорошо, что мама попала именно к нему! Уж он-то точно сделает всё возможное, чтобы продлить ей жизнь.

– Садитесь, – будто вспомнив о посетительнице, Боростовский придвинул к ней кресло. – Сейчас я вам всё выпишу.

– Только самые дорогие и эффективные! – взмолилась Галя.

– «Самые дорогие и эффективные!» – передразнил Герман. – Позвольте, девушка, мне самому решить, что принимать больной.

Он быстро стал черкать что-то на рецепте. Галя, как замороженная, следила за его рукой.

– Доктор, – произнесла она, когда Герман ставил свою размашистую подпись, подкрепляя её личной печатью, – не согласитесь ли вы приходить к моей матери? Ну пожалуйста, я заплачу, сколько вы скажете.

Врач оторвался от рецепта и пристально посмотрел на просительницу. В его лазурных глазах прятались печаль и жалость.

– Ладно, – согласился он. – Сегодня она у нас полежит, завтра приезжайте за ней на такси. Сейчас сбегайте в аптеку и купите всё необходимое.

Галя закивала, дёргая головой, как китайский болванчик.

– Да, конечно. Скажите, я могу её увидеть?

– Она под аппаратом, – пояснил врач. – Мы укололи снотворное, и ваша мама спит. Ей откачали жидкость, должно полегчать. Позже вы вполне можете навестить Елену Васильевну. А сейчас делайте то, что я вам сказал. Вечером принесёте лекарства.

Галина прижала руки к груди, выражая благодарность, и опрометью понеслась по больничному коридору. Аптека находилась неподалёку от клиники и считалась лучшей в городе. В ней всегда толпилось много народу, большая часть которого наверняка состояла из родственников пациентов или самих пациентов. Когда до неё дошла очередь, Галя сунула рецепт в окошко полной женщине с замысловатым сооружением на голове. Та равнодушно пробежала глазами написанное.

– Всё есть. Это будет стоить... – она минуту поколдовала у компьютера и назвала сумму. Руки девушки с тонкими пальцами нервно затеребили замок сумочки.

– Сколько, вы сказали?

Женщина заявила непомерную сумму, просто немыслимую для её кошелька. Галя не имела даже трети.

Равнодушная аптекарша монотонным голосом повторила сухие цифры.

– Но у меня... – растерялась Галя. – Господи, почему так дорого?

– Гражданка, либо берите, либо не задерживайте очередь, – буркнула женщина. – Думаю, врач предупредил вас о ценах. Бесплатно мы ничего не выдаём.

Девушка порылась в сумочке и достала рыжий кошелёк из натуральной кожи – её гордость, – купленный на премию.

– У меня всего лишь десять тысяч, – сказала она и умоляюще взглянула на аптекаршу. – Что я могу взять на эти деньги?

Женщина кинула на прилавок небольшой пузырёк:

– Только это. Но препарат нужно принимать в комплексе с другими лекарствами, иначе не будет эффекта. Берёте?

– Беру, – Галя решительно бросила деньги в пластмассовое блюдце, подождала, пока аптекарша отпечатает чек и упакует пузырёк. Прижав драгоценное лекарство к своей груди, девушка вышла из аптеки, окунувшись в знойную духоту солнечного дня. Герман не обманул и не преувеличил, когда сказал, что лечение будет очень дорогим. Но чтобы настолько дорогим! После покупки всего лишь одного пузырька у неё не осталось ни копейки денег, а завтра нужно забирать маму на машине и оплатить услуги врача и медсестры. Она стояла возле небольшого старого фонтана, с натугой выбрасывавшего в воздух слабую ржавую струю и, глядя на наглых голубей, пытавшихся пить мутную воду, напряжённо размышляла. Лихорадочно работающий мозг подсказывал только одно решение: отправиться на работу и просить Аркадия Петровича выдать ей аванс. Правда, и он не окупит все необходимые услуги, но всё-таки... Девушка пошарила в кармане, нащупывая мелочь, которой должно было хватить на троллейбус, дождалась транспорта и поехала в фирму.

Поднявшись на второй этаж огромного здания, служившего пристанищем нескольким организациям, Галя прошла по мягкому красному ковру длинного коридора и толкнула дверь в приёмную шефа. Молодая секретарша Лариса, стройная, как модель, и с такими же параметрами, увидев её, откинула рыжие волосы, копной спадавшие на точёные плечи.

– Галя? Аркадий сказал, что ты уволена.

– Как прошёл обед с французами? – ничего не ответив, спросила девушка. – Обошлись без меня?

Лариса покраснела.

– В общем, справились, хотя с тобой вышло бы лучше.

Галя махнула рукой:

– Только не ври, что вы были на грани катастрофы. Ты ведь учишься на французском отделении иныза, я правильно сказала? Если не ошибаюсь, диплом тебе получать в будущем году. Не говори, что ты от страха забыла все слова.

Лариса стала пунцовой, как спелый помидор.

– Я забыла не оттого, что не знала, а оттого, что растерялась, – пролепетала она. – У меня, в отличие от тебя, нет никакой языковой практики.

Галя лишь улыбнулась про себя. В другой раз она обязательно порадовалась бы промаху Ларисы, поступившей в институт по протекции Аркадия Петровича. Как сотрудницы его фирмы эту протекцию получали – догадался бы даже тупой. В семнадцать лет Лариса стала любовницей на подхвате, имея одно достоинство: она не просила шефа уходить из семьи, чего требовала его постоянная пассия, финансовый директор Татьяна, прекрасно понимая, что при разводе её возлюбленный останется без гроша – фирма числилась за женой.

– Ладно, судя по всему, позора избежать удалось, – констатировала Галя. – Шеф у себя? Один?

– Один, и страшно злой на тебя, – отозвалась Лариса с хорошо читаемым ехидством. Её изумрудные глаза при этом смотрели невинно – этакий ребёнок! – Так почему ты сбежала?

– Моей матери стало плохо, она чуть не умерла, – пояснила Галя. – Я отвезла её в больницу, и там выявили рак лёгких.

Секретарша постаралась изобразить сочувствие:

– Правда? Печально. Но чего же ты хочешь от Аркадия Петровича?

– На лечение матери понадобятся большие деньги, – сказала Галя. – Сейчас мне никак нельзя уходить с работы. Я ещё не писала заявления и надеюсь, что он оставит меня. Вспомни, сколько раз я выручала шефа по выходным, работала бесплатно, безо всякой премии.

Лицо Ларисы приняло бесстрастное выражение.

– Ну зайди к нему, – ответила она неуверенно. – Хотя наш шеф своих решений не меняет.

– И всё же я попробую, – Галя дёрнула полированную дверь кабинета и смело вошла. Босс сидел за столом, попивая свой любимый кофе. Он мог употреблять его литрами и при этом прекрасно спал по ночам, в отличие от неё. Для девушки даже один глоток отзывался бессонницей. Увидев Галю, Аркадий Петрович, не прерывая своего занятия, сверкнул на провинившуюся стальными глазами:

– Принесла заявление? Беспокоить меня было не обязательно. Оставь у Ларисы и катись на все четыре стороны. Ты чуть не сорвала мне встречу, и я не желаю тебя больше видеть... Никогда.

– Аркадий Петрович! – умоляюще произнесла девушка. – Моя мама чуть не умерла, её срочно госпитализировали, – она еле выговорила страшный диагноз. – Рак, четвёртая стадия. Для лечения потребуются большие деньги. Прошу вас, не увольняйте меня. Мне очень нужна эта работа.

Стальные глаза ничего не выражали, но двойной подбородок потрясывался, как желе, от еле сдерживаемого гнева.

– Ты смеешь говорить мне о своих проблемах? – взвился шеф. – Даже думать об этом не смей. Немедленно пиши заявление и убирайся вон. Если я когда-нибудь увижу тебя возле моей фирмы – прикажу охраннику, чтобы хорошенько отметелил.

– Аркадий Петрович! – на чёрных ресницах Гали повисли слезы. – Ну будьте человеком, Аркадий Петрович. У вас, наверное, тоже есть мать. Ради вашей матери не увольняйте меня.

На секунду на лице шефа появилось доброе выражение, но только на секунду.

– Не трожь мою мать, дрянь! – визгливо крикнул он, и в двери показалась довольная мордочка Ларисы.

– Я не нужна?

– Зачем ты впустила ко мне эту тварь? – продолжал бушевать начальник. – Немедленно позови охранника, и пусть он вытолкает Лопатину в шею. Я хочу, чтобы она ушла прямо сейчас. И не нужно никакого заявления. Ты сама напишешь от её имени.

– Не имеете права! – заорала вдруг Галя в тон Аркадию Петровичу. – Я буду жаловаться на вас, я всё расскажу, что знаю...

На удивление, шеф вдруг успокоился, словно разом выпил пузырёк валерианы.

– Ты мне угрожаешь? – спросил он почти доброжелательно. – Вот и отлично. Теперь ходи и оглядывайся по сторонам, чтобы не отправиться на тот свет раньше своей матушки.

Галя схватила со стола прибор с ручками и швырнула в мужчину.

– Негодяй! Какой же вы негодяй!

Она выбежала из кабинета. Визгливые крики смолкли только у выхода. Что ж, она сюда больше не вернётся. Это факт. Но, может быть, всё к лучшему? Этот зверь в любом случае не разрешил бы уйти с работы, если бы ей это понадобилось. Нет, надо искать место получше. Впрочем, легко сказать – получше. Ей нужно найти работу как можно скорее, ведь в кошельке не осталось ни копейки. Оглянувшись в последний раз на окна фирмы, которую она ещё недавно считала вторым домом, Галя зашагала к остановке. Нешадное июньское солнце палило, словно адский огонь, и девушка спряталась в тень, отбрасываемую раскидистым каштаном.

– Галя, подожди!

Девушка обернулась. К ней на всех парусах мчалась Лариса. Густые рыжие волосы развевались, как пиратский флаг.

– Что тебе нужно? – недоброжелательно спросила Галина. – Мы с твоим шефом всё обсудили. Я на пушечный выстрел не подойду к этой проклятой организации. Так что пиши заявление от моего имени со спокойной совестью, если таковая у тебя имеется.

– Зря ты так, – Лариса прищурилась, и Галя впервые заметила, какие у неё пушистые ресницы. – Я хотела помочь.

– Правда? Интересно, чем? – усмехнулась девушка. Лариса взяла коллегу за руку и, отдавая шлейфом дорогих духов, затараторила:

– Аркадий, конечно, принципиальный, но и с ним можно найти общий язык. Ты слышала, что в прошлом году у него случился конфликт с Гусевым? Гусев работал в фирме аудитором и был на хорошем счету.

Галя покачала головой:

– Я никогда не интересовалась сплетнями фирмы.

– И зря, – заметила секретарша. – Ты, должно быть, в курсе, что шеф ценил Гусева, как и тебя. Да, да. Я не преувеличиваю. Сколько раз он говорил, что рад такому специалисту, – она тряхнула огненной гривой. – Но дело не в этом. В прошлом году у Гусева заболела дочь, потребовалась срочная дорогостоящая операция. Гусев пробовал отпроситься во внеочередной отпуск, потом попросил деньги в счёт будущей зарплаты, а тут, как назло, приехали иностранцы заключать договор, и Аркадий Петрович во всём Гусеву отказал. Тот пригрозил, что всё равно не придёт, и угрозу свою выполнил, тогда шеф подготовил приказ о его увольнении, – Лариса улыбнулась и подмигнула. – Ты же знаешь, он ценил и ценит Гусева, как тебя. Короче, проходит время, с дочерью Гусева всё хорошо, операция прошла удачно, а вот деньги закончились. Бедняга явился сюда и попросился обратно, Аркаша, естественно, отказал. Тот ушёл несолоно хлебавши, крикнул даже, что Петрович локти кусать будет, но работу нигде не нашёл. Ты сама знаешь, как тяжело с работой в нашем городишке. В общем, помыкался Гусев, достал какие-то антикварные серьги с бриллиантами и понёс Аркадию. Ты в курсе, что он собирает антиквариат, чтобы одаривать им нашу Таньку? Эта фифа, кроме дорогих старинных вещей, ничего больше не носит.

– Правда? – удивилась Галя и попыталась вспомнить, какие же золотые вещи она видела на основной любовнице шефа. Да, кажется, было бриллиантовое кольцо немислимых размеров из червлёного золота, потом замысловатые серьги грушевидной формы с сапфиром. Ей они показались слишком вычурными. А это, оказывается, антиквариат, который стоит немислимых денег!

– Ты хочешь сказать, что Аркадий, заполучив раритетную вещицу, взял Гусева обратно? – поинтересовалась девушка у довольной Ларисы. – Но у меня нет и десяти рублей, не то что антиквариата. Получается, путь обратно мне заказан.

– Если захочешь – найдёшь, – констатировала секретарша со знанием дела. – Продай что-нибудь и купи в антикварной лавке какую-нибудь немудрёную штучковину. Вот увидишь, шеф снова распахнёт перед тобой двери фирмы. И поторопись, пока он не нашёл тебе замену.

– Нет, это невысказано, – Галя опустила плечи, чувствуя себя, как побитая собака. – Это просто невозможно. Мне нечего продавать, кроме старой мебели.

Лариса хмыкнула вдогонку:

– Во всяком случае, это единственный шанс вернуться.

Галя ничего не ответила. Покинув тень и подставив голову палящему солнцу, она тяжело вздохнула. Утром забирать мать, а у неё ни копейки. О каком антиквариате может идти речь, если завтра нечего будет есть! А маме сейчас нужно хорошо питаться, проклятая болезнь отнимает последние силы. Что же делать? Что? Девушка опустилась на скамейку под старой акацией с толстым морщинистым стволом и задумалась. Может, у кого-нибудь занять? Но ни у неё, ни у мамы нет таких знакомых, которые дадут займы. Она вспомнила тётю Женю, соседку с первого этажа. Однажды Елена Васильевна пыталась перехватить у неё триста рублей до получки. Сын тёти Жени, серьёзный бизнесмен, разъезжал на крутой машине и давал матери ежемесячно тысячу долларов, которые та спокойно проедала в дорогих ресторанах. Этой даме суммы в триста рублей не хватило бы даже на карманные расходы... Однако в ссуде она отказала.

– Леночка, деньги счёт любят. Если я тебе одолжу, ты обязана вернуть. Но ты же не вернёшь. Вы с дочкой – нищета.

Напрасно уверяла мама, что эти несчастные рубли она уж точно отдаст. Тётя Женя закрыла дверь перед самым её носом. К сожалению, богаче этой тётки в их подъезде никого не было. Подруги Гали сами перебивались от получки до получки. В маленьком городке высокооплачиваемая работа не водилась. От бессилия что-либо сделать Галина уронила голову на руки и застыла, как скорбное изваяние. В реальность бедняжку вернул знакомый до боли голос:

– Галка? Ты ли это?

Девушка подняла голову и увидела невысокого мужчину, облачённого в джинсы и белую выглаженную до скрипа рубашку. Светлые волнистые волосы, как всегда, идеально лежали на голове, придавая ему вид фата. Рыжеватые усики едва курчавились над верхней губой. Зелёные кошачьи глаза смотрели удивлённо и доброжелательно. Ох, всегда они так смотрели, только поступки этого человека оставляли желать лучшего, – потому в конце концов и оказались они оба в ЗАГСе с заявлением о разводе. И так, перед Галей стоял бывший муж Славик.

– Ты плохо себя чувствуешь? – поинтересовался он. – Или не хочешь реагировать на моё случайное появление в твоей жизни?

– На твоё случайное появление в моей жизни мне придётся отреагировать, – буркнула девушка. Сытый, холёный вид экс-супруга, работавшего кардиологом в местной поликлинике, раздражал.

– Что-то случилось? – он сел рядом, предварительно вытерев скамейку рукой, и она опять поморщилась. Стремление к аккуратности до фанатизма тоже раздражало.

– Так что случилось? – повторил бывший доброжелательно и настойчиво.

– Раз я не отвечаю – ничего, – не очень любезно отозвалась Галя, и вопреки её воле слёзы хлынули из глаз, скатываясь по щекам, как по американским горкам, и падая на лёгкую розовую кофточку.

Славик придвинулся ближе:

– Ну-ка, – он приобнял девушку, и она вздрогнула от его прикосновения. Мужчина сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил как ни в чём не бывало: – От тебя не убудет, если ты поделишься со мной своей проблемой. Что-то мне подсказывает, что она у тебя имеется.

Галя всхлипнула. Славик был прав. Излить кому-нибудь душу, попросить совета – это всё, о чем она сейчас мечтала. И пусть жилеткой на этот раз поработает бывший – в конце концов, не всё ли равно, раз положение безнадежно?

– Мама в больнице, – начала девушка сквозь слёзы. – Меня уволили с работы, и у нас нет ни копейки, чтобы купить лекарства. Да что там лекарства! – она махнула рукой. – Завтра нам будет нечего есть, – Галя что-то сбивчиво говорила, но Славик остановил её:

– Постой, постой... Ты сказала, Елена Васильевна в больнице? Что с ней?

– Рак лёгких, четвёртая стадия, – всхлипнула бедняжка.

– Четвёртая стадия? – непритворно охнул бывший муж. – Но как же так? У неё всегда было хорошее здоровье.

Галя ничего не ответила.

– Значит, тебе нужны деньги на лекарства, а денег как раз и нет, – констатировал Слава.

– Ни копейки, – призналась девушка. – Всё, что имелось, я потратила на этот пузырьёк, – она достала дорогой флакон. Слава взял его в руки и с интересом прочитал этикетку.

– Да, это вряд ли поможет, если не принимать препарат в комплексе.

– Завтра я забираю маму домой, – продолжила Галя свою печальную повесть. Чёрные, как спелые вишни, глаза излучали горе.

– Зачем же? – удивился бывший муж. – Разве ей там плохо? Кстати, в какой больнице она лежит?

– Во второй, – сообщила девушка.

– Как я понимаю, её поместили в терапию, – на гладком загорелом лбу Славы собрались морщинки, и Гале захотелось прогладить их утюгом. – Постой! – он хлопнул в ладоши. – В этой больнице работает прекрасный доктор-онколог – Герман, мой однокурсник. Хочешь, я позвоню ему и всё разузнаю?

Галя покачала головой:

– Герман – лечащий врач, – печально сказала она. – И он не посчитал нужным меня обнадеживать, даже наоборот, предупредил, что ей уже ничто не поможет. Самые дорогие лекарства просто продлят жизнь, но ненадолго.

– Зачем же тогда такие мучения? – Слава крепче обнял бывшую жену, и она не сопротивлялась. – Зачем ты забираешь мать? В отделении она, по крайней мере, под наблюдением лучшего врача.

– Герман сам посоветовал мне забрать её, – выдохнула девушка. – А впрочем, даже если и не посоветовал бы... В отделении не хватает мест, некоторые лежат в коридоре. Я не хочу, чтобы моя мама лежала в коридоре.

– И то верно, – Слава задумался. – Знаешь, а ведь я могу тебе помочь. Дай мне рецепт...

Она покорно раскрыла сумочку и протянула ему бланк. Бывший муж впился взглядом в размашистые строки.

– Возможно, мне удастся достать всё необходимое по гораздо меньшей цене, – проговорил он. – Это во-первых. Во-вторых, не стесняйся и скажи: сколько вам с Еленой Васильевной нужно денег? Я могу одолжить... – он покраснел и добавил: – Безвозмездно. Для Елены Васильевны мне ничего не жалко. Вспомни, твоя мать всегда хорошо ко мне относилась, в отличие от тебя.

– В отличие от меня? – переспросила Галя. – Ты, наверное, забыл, дорогой, что было время, когда я к тебе тоже хорошо относилась. И это продолжалось бы по сей день, но ты сам всё испортил.

Слава скривился.

– Давай не будем ворошить прошлое. Моё недостойное поведение – твоя выдумка, и я не хочу говорить на эту тему.

– Выдумка, что я увидела тебя в постели с другой женщиной? – усмехнулась Галя. – Выходит, мне не нужно было верить собственным глазам?

– Я тебе сто раз объяснял, что ту ситуацию подстроила Лиля, между прочим, твоя лучшая подруга, которой не давало покоя наше счастье, – парировал он. – Стоило тебе уехать в командировку, как она припёрлась ко мне и принялась соблазнять. В первый и во второй раз я её послал, но в третий она жалобно попросила чашечку кофе, и я не мог отказать. Потом Лиля уговорила меня составить ей компанию, выклянчила печенье и, пока я искал его в буфете, что-то плеснула в мою чашку. Так что, милая, я ничего не помню, кроме того, что проснулся с ней в одной постели, а ты стояла рядом и глядела, как фурия.

Галя дёрнула узким плечиком.

– Всё это я уже слышала, – вздохнула она. – Кстати, как поживает моя лучшая подруга? Вы не расписались?

– В тот день я обругал Лильку матом и попросил не приближаться на пушечный выстрел, – улыбнулся бывший муж. – С тех пор не видел и не слышал.

– Разве вы не поженились? – удивилась девушка.

– С какой это стати? – фыркнул он. – На кой она мне нужна? Мне нужна ты...

Галя покраснела и сменила тему.

– Слава, если честно, денег брать у тебя не хочется, – начала она. – Но выбора у меня нет. Как говорится, нищие не выбирают. Поэтому я займу у тебя немного, пока не устроюсь на работу, но потом верну всё до копеечки.

– Знаю, знаю, горячка, – Слава дружески похлопал Лопатину по плечу и поднялся. – Много не одолжу, но недостающую сумму можно взять у моих друзей. А теперь идём в больницу. Я хочу увидеть Елену Васильевну и поговорить с Германом.

Галя кивнула.

– Идём.

Глава 2

В вымытом до блеска больничном коридоре стояла тишина. Галя и Слава надели бахилы и огляделись в поисках доктора. Его нигде не было.

– Не подскажите, где Герман Борисович? – спросил Слава у молодой смазливой медсестры. Та указала на дверь ординаторской:

– Там.

Бывший муж решительно вошёл в кабинет. Галя осталась за дверью. Она боялась узнать печальные новости.

– Господи, Герман, ты ли это? – послышался голос Славы, радостный, визгливый.

– Разве я так изменился? – проронил Боростовский, явно не выражая восторга от встречи с однокурсником. – А ты какими судьбами тут?

– У тебя лежит моя тёща, – бывший муж тоже перешёл на серьёзный тон. – Елена Васильевна Лопатина. Как она?

– Плохо, – откровенно признался Герман. – И поэтому не спрашивай, сколько ей осталось. Речь идёт о паре месяцев, даже недель.

– Зачем же ты выписал моей бывшей такие дорогушие лекарства? – поинтересовался Слава. – У неё совсем нет денег.

– Твоя бывшая, как ты изволил выразиться, настояла на этом, – отозвался врач, взяв Славу под руку. Мужчины вышли в коридор, столкнувшись с Галей, и Герман обратился уже к ней:

– Я всё разложил по полочкам, правда, женщина? А вот домой забрать вы её можете. Сам видишь, какие у нас условия, – он кивнул, указывая Славе на ряд коек, сиротливо стоявших возле стены, крикливо выкрашенной в тёмно-синий цвет. Старушка в белом платочке, укрытая цветастым одеялом, не сводила с посетителей глаз. Худощавый дедок, шевеля босыми жёлтыми ногами, что-то пил из пластиковой бутылки.

– Она пришла в себя? – выдавила Галя, набравшись храбрости. Раз Герман не говорит о матери в прошедшем времени, значит, Елена Васильевна жива. Доктор кивнул:

– Да, и просила пропустить вас к ней, если вы придёте.

– Так почему же вы молчите? – она рванулась вперёд, но Слава удержал её за локоть:

– Пойдём вместе.

Девушка высвободилась.

– Слава, прости, но я хочу побыть с мамой наедине, – виновато сказала она. Бывший муж, как всегда, всё понял с полуслова.

– Ладно, я зайду позже, – ответил он и повернулся к Герману. – Как поживаешь, дружище? Женат? Обременён детьми? Квартира, машина, дача?

– Холост, – коротко отозвался врач и подтолкнул Галю к выходу. – Пойдёмте. Пока она в реанимации.

Ноги девушки снова сделались ватными от страха. Увидеть маму умирающей было выше её сил, однако она храбро шагнула в палату, когда Герман распахнул перед ней дверь.

– Доченька! – донёсся слабый голос, и в ворохе белоснежных простыней Галя разглядела лицо матери, озарённое радостной улыбкой. – Доченька пришла!

Она посмотрела на Германа, и тот приложил руку к груди:

– Ухожу, ухожу, только, умоляю, недолго.

Галя присела на стул возле койки.

– Мамочка, как ты?

– Лучше, слава Богу, – голос Елены Васильевны был на удивление бодрим. – Уже не задыхаюсь, значит, иду на поправку.

– Да, доктор сказал, что ты поправишься, – бросив эту фразу, Галя подумала о том, что она прозвучала неубедительно.

Мать вздохнула.

– Ты так и не научилась врать, вся в меня, – она подавила улыбку. – Доченька, мы с тобой взрослые люди, и поэтому давай поговорим как взрослые. Я прекрасно знаю, что мне осталось недолго.

– Мамочка, что ты такое говоришь? – девушка в бессилии развела руками. – Ну давай пригласим Германа Борисовича, пусть он тебе скажет...

– Никто в нашей семье не доживал до пятидесяти пяти, – произнесла Елена Васильевна. – А всё из-за проклятого перстня. Дочка, обещай продать его завтра же – сегодня все магазины уже, наверное, закрыты.

Галя открыла рот. Чёрные сросшиеся на переносице брови удивлённо приподнялись:

– Какой перстень? – спросила она, заикаясь. – Ты мне раньше не рассказывала.

– Этот старинный перстень я нашла на остановке автобуса, – продолжала Елена Васильевна. – Нашла и указала на него твоей бабушке. Лучше бы я этого не делала, потому что с него начались все наши несчастья. Дед, бабушка, твой отец... – она снова стала задыхаться. Лоб покрылся потом. – Доченька, позови врача, мне плохо. Перстень лежит в деревянной шкатулке, где бабушка хранила серебряные ложки.

Она упала на подушку, а Галя опрометью бросилась в коридор. Герман, словно предчувствуя такой исход разговора, стоял возле двери. Увидев бескровное лицо девушки, он всё понял и крикнул медсестре:

– В палату, живо!

Галя опустилась на жёсткий стул в коридоре. Она не заметила, как к ней подошел Слава и взял её холодную руку.

– Герман всегда творил чудеса, – он попытался утешить бывшую жену. – И в этот раз вытасчит мать, вот увидишь.

Девушка ничего не ответила, пытаясь вспомнить какие-нибудь известные ей молитвы, но в голову, как назло, лезла всякая чепуха. Наверное, сработала защитная реакция организма. Только от чего разум старался её защитить? От смерти близкого человека? Что же там делает Герман? Почему так долго?

Будто бы услышав дочь своей пациентки, красный, расстроенный врач вышел из палаты. Когда он взглянул на Галю, в его лазурных глазах стояли слёзы. Галя вскочила, как солдат при виде командира, и дико закричала:

– Нет! Нет! Только не это! – а потом второй раз за день упала на холодный недавно вымытый пол.

Глава 3

Она очнулась в незнакомой комнате на кушетке, застеленной клеёнкой. Слава склонился над ней. Его лицо выражало заботу.

– Как ты себя чувствуешь?

– Мама... – еле выдавила Галя. Бывший муж опустил голову.

– Да, моя хорошая, произошла остановка дыхания, а потом сердца. Герман ничего не мог сделать. Я видел снимки. Рак сожрал все лёгкие, представляешь? Герман выписал дорогие лекарства, потому что не хотел лишать тебя надежды. Он знал, что речь идёт не о месяцах, а о часах.

Галя молчала, вытирая слёзы.

– Родная моя, подумай, какая бы жизнь её ожидала, если бы ты забрала беднягу домой, – продолжал Слава. – Жуткие боли, постоянные плевральные пункции, чтобы откачивать жидкость... Такие пациенты молят об эвтаназии, которая в нашей стране запрещена. Самое печальное то, что они всё равно умирают, и старания родственников ни к чему не приводят.

– Ну и что, – Галя кусала губы. – Пусть она пожила бы ещё немного. Я облегчила бы её страдания.

– Да, да, – не стал спорить с ней Слава. – Давай я отвезу тебя домой. Нужно готовиться к похоронам, – он почесал выбритый затылок. – Знаешь что? Хочешь ты этого или нет – я не оставляю тебя в такую трудную минуту. Завтра утром я уйду в отпуск за свой счет и помогу с похоронами. Тебе понадобятся деньги.

Галя не стала спорить:

– Хорошо.

– По возможности я освобожу тебя от всего, – пообещал Слава. – Ну, пойдём в машину.

На негнущихся ногах девушка последовала за ним. Мужчина распахнул перед ней дверцу чёрного «мерседеса»:

– Садись.

До дома Гали они доехали в полном молчании. На прощанье бывший муж пожал ей руку и произнёс:

– До завтра.

– До завтра, – эхом отозвалась она, с содроганием думая, что сейчас войдёт в пустую квартиру, где всё напоминало о матери. Клацнув ключом, она немного задержалась на пороге, а потом заставила себя шагнуть в тёмную прихожую. Жуткая тишина словно окутала с ног до головы.

«Эти дни мне нужно быть сильной, – размышляла Галя. – Нужно отвлечься, не думать о плохом, чтобы выдержать похороны. Я обязана похоронить по-человечески самого родного человека на свете».

Внезапно в голове молнией вспыхнула мысль. Перстень! О каком же перстне говорила мама? Среди колечек Елены Васильевны Галя никогда не видела такой драгоценности. Может, Елена Васильевна ни разу не надевала его? Девушка прошла в комнату, которую мать называла комнатой бабы Веры, и открыла старый сервант. Деревянная лакированная шкатулка желтела на верхней полке. Девушка достала её и с трепетом откинула крышку. Перстень лежал в самой середине, на красной бархатной тряпочке, массивный, из золота высшей пробы. В центре кольца красовался огромный рубин, обрамлённый россыпью довольно крупных бриллиантов. Как он оказался на остановке, где его нашла мама? Кто потерял такое сокровище? И почему Елена Васильевна решила, что он принёс несчастья их семье? Разве они с бабушкой что-то скрывали от неё? Да, им пришлось хлебнуть много горя, но разве им одним? Сколько угодно людей, переживших подобные проблемы.

Галя надела перстень на палец и полюбовалась им при свете люстры. Рубин отбрасывал на стены кровавые блики, бриллианты переливались всеми цветами радуги, создавая неповторимую игру красок. Только подумать, что такую красоту придётся продать! Но это последняя воля мамы, значит, ничего не поделаешь. Галя положила перстень в шкатулку и убрала её обратно в сервант. Потом она прошла на кухню и поставила чайник, продолжая думать о своих близких и пытаясь разгадать тайну перстня. Интересно, в каком году мать нашла его? Был ли дед к тому времени генералом, большим начальником? Бабушка рассказывала, в какой огромной квартире они жили, на какой даче отдыхали. Каждый день за дедом приезжала чёрная «Волга», чтобы отвезти на службу. Всё разрушилось в одночасье. Однажды ночью за ним приехала машина – но не чёрная «Волга», а милицейский уазик – и увезла навсегда. Потом ему предъявили чудовищное обвинение в хищении в крупных размерах, и дед, не выдержав позора, повесился в камере на собственном ремне, который у него почему-то не отобрали. Бабушка до последних своих дней утверждала, что уйти на тот свет ему помогли. Перед этим происшествием она ходила к нему на свидание. Дед выглядел бодрым, просил нанять хорошего адвоката и клялся, что невиновен.

– Меня отправил сюда начальник тыла, – утверждал он, – совершавший махинации. Я отказался помогать ему и закрывать глаза на хищения. За это он и упрятал меня в камеру, организовав подставу.

– Почему же ты не рассказал обо всём прокурору? – удивлялась бабушка.

– Да потому что он лучший друг этого тыловика, – горестно отвечал дед, – и топит меня с невероятным усердием. Думаю, тыловик делился со многими в нашем городе. Поэтому... – он посерьёзней и сжал руку бабушки, – Вера, если со мной что-то случится, знай: это их рук дело. Я собираюсь бороться и не планирую уходить на тот свет раньше времени. И потом, я люблю вас – тебя, нашу дочку, внучку. Милая, найди хорошего адвоката, но постарайся разузнать, не куплен ли он уже моими так называемыми друзьями.

Бабушка, вернувшись из тюрьмы, долго плакала, но потом, собравшись с силами, принялась обзванивать знакомых, которым доверяла. К вечеру она уже связалась с адвокатом, готовым вытащить деда из тюрьмы, но утром ей позвонили и сообщили печальную новость.

– Эти подонки свели с ним счёты, – сказала тогда бабушка матери. – Но зря они думают, что на этом поставлена точка. Я ещё жива. И я добьюсь, чтобы настоящие преступники заняли его место.

С тех пор, как говорила Елена Васильевна, у матери умерла душа. Бабушка Вера перестала замечать дочь и внучку, замкнувшись в своём горе и отдавшись одной мысли: отомстить. Она бегала на телевидение, пыталась писать статьи в газеты, требовала пересмотра дела, наказания виновных и полной реабилитации мужа. Однако у неё ничего не получалось. А в один солнечный летний день бедняжку выловили из моря. Следовательно, не слушая заверений Елены Васильевны, утверждавшей, что мать убили, закрыл дело, назвав причиной трагедии несчастный случай. Действительно, следов насилия на теле несчастной не нашли, а вскрытия проводить не стали. Кому интересна пожилая особа, к тому же жена генерала, обвинённого в хищениях?

После гибели бабушки внезапно ушёл отец. Он тоже был военным, и дедушка, когда занимал большую должность, много помогал ему. Галя помнила отца как хорошего семьянина, любившего дочь и жену, и его уход – да не просто уход, а к другой женщине – что-то надломил в ней. Она, как раньше бабушка, замкнулась в себе, молча сносила насмешки одноклассников, обзывавших Лопатину полоумной и интересовавшихся, куда вдруг делся её папа. Дети порой могут быть очень жестокими. В одиннадцатом классе девочка словно воспрянула, целиком погрузилась в учёбу, окончила школу почти с отличием и поступила в университет с первого раза. Галя давно мечтала стать переводчиком с французского языка. Почему именно с французского? Наверное, потому, что учитель по этому предмету, Павел Григорьевич,

вич, всегда относился к ней хорошо, не с подозрительной настороженностью, как другие учителя. Ещё бы! Она – внучка уголовника, воровавшего тысячами! Именно Павел Иванович, узнав о гибели бабушки, стал оставлять Галю после уроков и заниматься с ней совершенно бесплатно. Когда Елена Васильевна попыталась его отблагодарить, купив бутылку шампанского и коробку конфет – в их скромном бюджете и это пробивало брешь, – учитель с негодованием отверг подарки, объясняя свой отказ тем, что Галя талантлива, у неё есть способность к языкам, и она схватывает всё с первого раза. Ну а произношению его ученицы можно только позавидовать! Если у других знаменитое дрожащее французское «р» звучало просто карикатурно, то выговор Гали вызывал у него радостную улыбку. Благодаря этому человеку Галину и приняли в университет с первого раза, несмотря на репутацию семьи. Девушка училась с упоением, получала повышенную стипендию. Мама стала мечтать о хорошем женихе, и он нарисовался совершенно неожиданно. Однажды затворница и зубрилка Галя Лопатина согласилась пойти с подругами на танцы в медицинский. И несмотря на то, что девушка пыталась спрятаться за колонну, потому что комплексовала из-за своей немодной одежды – поношенной юбки в красную и чёрную клетку и серой, как осенний день, кофточка с оборками, – Славик уверял, что приметил её сразу. Он пригласил избранницу на первый медленный танец, и Галя, положив дрожавшие от волнения руки на его широкие плечи, боялась взглянуть кавалеру в лицо.

– Почему вы меня так боитесь? – поинтересовался будущий врач с лёгкой насмешкой в голосе. – Разве я такой страшный?

– Я вас не боюсь, – Галя собиралась ответить довольно уверенно, чтобы парень не подумал, будто она такая уж тихоня, этакий синий чулок, однако голосок предательски сорвался, и он расхохотался:

– Ну, вот, а вы говорите... Не переживайте, вас тут не съедят, даже не укусят.

Она посмотрела ему в глаза – впервые за всё время танца – и поразились, какие они голубые и бездонные, как озёра.

– А мы с вами ещё не познакомились, – продолжал студент. – Меня зовут Владислав, а вас?

– А меня – Галя, – отозвалась уже осмелевшая девушка.

– У вас редкое имя, – улыбнулся красавец. – Помните, как в фильме «Ирония судьбы»? Она кивнула.

– У вас тоже редкое.

– Кстати, для друзей я Слава, – он подмигнул. – И для красивых девушек тоже.

Галя зарделась. Ей никто никогда не говорил таких слов.

– Ну-ну, не смущайтесь, – запел будущий врач. – Неужели вы об этом не знаете?

– О чём? – прошептала Галя.

– О том, что самая красивая, – повторил Слава. – Следующий танец – мой. И позвольте проводить вас домой.

Она позволила. Так и завязалось это странное знакомство. Почему странное – Галя сама не знала ответа на этот вопрос. Наверное, потому, что ей ещё недавно казалось: она обречена на одиночество. Не покинет ли её этот красавец, если узнает историю семьи? Она решила рассказать всё только через полгода. Слава, на удивление, никак не отреагировал на сбивчивые объяснения, за что деда посадили в тюрьму. Он лишь махнул рукой.

– Всё это ерунда, моя дорогая. Разве мало в истории примеров, когда сажали невиновных? Иногда их даже приговаривали к расстрелу и расстреливали. Так что судьба твоего предка меня несколько не поразила, – он обнял её и поцеловал, а потом погладил чёрные волнистые волосы и с тревогой заглянул в смоляные глаза:

– Значит, ты во мне сомневалась. А давай завтра подадим заявление в ЗАГС, чтобы у тебя отпали все сомнения.

Галя, пунцовая от счастья, ответила, что ей надо подумать, а придя домой, всё рассказала матери, и Елена Васильевна благословила её.

– Мне очень нравится Слава, – сказала она. – И я рада, что он оказался порядочным парнем.

Молодые сыграли свадьбу. Поначалу Слава вёл себя как самый настоящий «порядочный парень», но однажды случилось то, чего не ожидали ни мать, ни дочь. В тот злополучный день Елена Васильевна должна была задержаться на работе допоздна, а Галя уехала на практику в соседний город. Она собиралась там переночевать, но один из однокурсников, благодаря небедному папаше давно уже имевший собственный автомобиль, предложил всем желающим вернуться в Приморск. Девушка откликнулась на щедрое предложение с радостью, и даже сейчас думала о том, как правильно поступила, не сообщив мужу о своём приезде. Славика ожидал сюрприз, и он его получил. Галя не знала, что любимый приготовил ей ответный подарок. Тихо, стараясь поменьше греметь ключом, она открыла дверь, сняла босоножки, прошла в спальню и оторопела. Слава, её Слава, мирно дремал в объятиях лучшей подруги жены. Что произошло дальше – Галя помнила смутно. Наверное, память постаралась отгородиться от всего негативного. Иногда сознание всё же выбрасывало ужасную картину: она рыдает и проклинает Славика, он что-то бормочет в своё оправдание, а Лилиана, полненькая армянка, давно положившая на него глаз, стоит, потирая большие неженские руки, покрытые чёрными волосками. А потом неожиданно подоспела мама и выгнала обоих – и подругу, и неверного мужа. Слава месяц пытался добиться прощения, но Галя была непреклонна. Они развелись, и девушка снова осталась одна.

– Ничего, найдёшь другого, – уверяла Елена Васильевна, не понимая, что сейчас единственная дочь не может и слышать о мужчинах. Так случилось, что, живя с бывшим мужем в маленьком городе, они ни разу не встретились. Судьба свела их только в трудное для Гали время. Случайно это или нет – она не хотела задумываться. Обида горьким комом сидела в горле.

Воскресив в памяти неприятные воспоминания, девушка подошла к окну. Мягкие южные сумерки уже спустились на приморский город, звёзды сверкали необычайно ярко, как бриллианты в перстне, так неожиданно оказавшемся в их семье. Приносил ли он несчастья? Так сочла перед смертью её мама, но Галя после долгих размышлений придерживалась другого мнения. Разве мало семей, которые, подобно им, претерпели множество несчастий? Она знала по крайней мере три, на которые удары судьбы сыпались, как камни с горы во время землетрясения, и у этих людей не было ни перстня, ни какой-либо другой реликвии, способной притягивать неприятности. Галя плотнее закрыла шторы и, подойдя к серванту, снова достала бабушкину шкатулку.

Перстень лежал на красной бархатной ткани во всей красе. Лопатина подумала: если он старинный, о нём может быть написано в Интернете. Она села за компьютер и через минуту знала, как называлось сокровище – «Кровь падишаха». С ним была связана какая-то тёмная история. Считалось, что он действительно приносит несчастья, его окружали легенды и преступления, однако она не стала вдаваться в подробности: строки расплывались перед глазами. Сегодня Галя была не в силах изучать историю кольца.

Девушка выключила компьютер, снова надела перстень на указательный палец и повертела перед глазами. До чего же он красивый! Как жаль с ним расставаться! Она задумалась. Что же сделать с этой драгоценностью? Отнести ювелиру и таким образом получить деньги на похороны и памятник? О том, чтобы занимать у бывшего мужа, не было и речи, хотя она ему и пообещала. А ещё можно попытаться с помощью старинной реликвии вернуться на работу. Лариса говорила, что Аркадий Петрович обожает антикварные вещи. Если она не обманула, шеф не только возьмет Галю обратно, но ещё и подбросит денег. Пожалуй, это правильное решение. Так она и поступит. Девушка с сожалением сняла перстень с пальца, уложила в шка-

тулку и, почувствовав сильную усталость, не раздеваясь, бросилась на кушетку. Через минуту она уже спала беспокойным сном.

Часть 2

Москва, 1977 год

Глава 1

Дежурный ГУВД, полный краснощёкий капитан Будин, спокойно подрёмывал возле телефона. Обычно в будние дни происшествий случалось немного, особенно по утрам. Это по выходным в управление трезвонили все кому не лень, даже подвыпившие жёны, прося урезонить вконец упившихся мужей, или же мужики, схватив лишку накануне, устраивали разборки из-за пустой пивной бутылки. Сегодняшнее утро обещало быть тихим. Вот почему, когда по-старчески дребезжащий потрескавшийся аппарат издал нечто похожее на звонок, Будин вскочил, словно по будильнику, и продрал заспанные глаза. Его рука, поросшая рыжими волосками, нехотя потянулась к трубке, поколдовала над ней, как бы в раздумье, но всё же схватила короткими и толстыми, как сардельки, пальцами.

– Дежурный капитан Будин слушает.

– Скорее, скорее! – мужской голос запинаясь от волнения. – Её убили. Скорее!

Будин заморгал.

– Кого убили? Где? Говорите толком! И, пожалуйста, представьтесь.

– Я Сергей Шаповалов. Убили сестру моей жены Нину, и я обнаружил тело, – звонивший задыхался, как астматик. – Приезжайте. Большой Левшинский переулок, 8.

– Выезжаем, – коротко буркнул капитан и бросил трубку на рычаг. Его полное, лоснящееся от пота лицо выразило недоумение. Убийство тихим тёплым летним утром? В Большом Левшинском переулке? Не сошёл ли с ума несчастный, секунду назад занимавший телефонную линию? По воле случая капитан знал этот дом. В нём жила элита, – да, та элита, которую государство за оказанные заслуги обеспечило всем необходимым. Старинный особняк со своей историей... Просторные квартиры в центре столицы с огромными раздельными комнатами и высокими потолками... Ему о таком районе приходилось только мечтать. Да, только мечтать, потому что он не артист и не певец. А чем его работа хуже? Он, можно сказать, денно и ночью возится в грязи, ловит всякую шваль, а они, чистенькие и холёные, знай распевают и лицедействуют. Всё же, что ни говори, а справедливости здесь нет. Прошептав что-то нечленораздельное и махнув рукой от досады, Будин придвинул к себе телефон и принялся набирать следователя Анатолия Петрушевского и лучшего оперативника Виктора Сарчука. Толя долго не отзывался, зато Сарчук сразу схватил трубку и крикнул бодрым голосом:

– Слушаю!

– Слушай, Витя, – ехидно произнес Будин. – Слушай внимательно. Клиент вас дожидается в Большом Левшинском переулке, 8, – труп, то бишь. Советую поспешить. Сам знаешь, какая там публика.

Виктор на минуту замер, словно обдумывая услышанное, потом шумно выдохнул.

– В Большом Левшинском, говоришь? Этого мне ещё не хватало! А кого порешили, не в курсе?

– Бабу какую-то вроде, – неуверенно сказал капитан. – Нам сообщил муж её сестры. Да что зря воздух сотрясать? Собирай своих друзей, сами всё увидите.

Сарчук отозвался чуть бодрее. Он умел быстро концентрироваться:

– Уже в пути.

Услышав короткие гудки, капитан с чувством выполненного долга водрузил трубку на место, представляя, как бедняги сейчас вскочат с насиженных мест и побегут к машине луч-

шего медэксперта Вадима Козлова, вечно озадаченного семейными проблемами – как прокормить четверых детей. Интуиция не подвела. Даже не интуиция, а знание обстановки. Не прошло и минуты, как мимо него действительно промчался Вадик со своим неизменным стареньким саквояжем, в поношенной серой рубашке и брюках, как две капли воды похожих на своих собратьев в уценённом отделе магазина, потирая высокий смуглый лоб, который по причине неустанных забот давно прочертила глубокая складка. Следом пронёсся Виктор Сарчук – красивый белокурый парень, мечта всех девушек отдела – как ни странно, с такой внешностью не оказывавший повышенного внимания представительницам прекрасного пола, – отличный работник с оперативным чутьём. За ними утиной походкой семенил следователь Анатолий Петрушевский. Будин поднял руку, как бы желая коллегам удачи.

«Начальство уже в курсе, – подумал он. – Лучшую бригаду направило. Впрочем, этого следовало ожидать. Интересно, кого убили? Звезду эстрады? Чудеса, если так. Это в наше-то время!» Взглянув на вновь затихший телефон, он снова погрузился в дремоту, уже не обращая внимания, как опергруппа со следователем и медэкспертом садилась в жёлтые «жигули».

– Гони, Вадик, – произнес Анатолий, и машина помчалась по почти безлюдным улицам Москвы. Редкие прохожие торопились на работу.

– Кто обнаружил тело? – деловито осведомился Виктор.

– Будин сказал – муж сестры убитой, – отозвался Анатолий и зевнул. Он чувствовал, что на этот раз в его дежурство случилось крупное происшествие, каких не бывало несколько десятков лет. Убийство в Большом Левшинском! В спокойном переулке, который никогда не славился криминальными происшествиями! Если кто из бандитов и наведывался туда, то только для того, чтобы пощипать деятелей искусства. Вот именно – пощипать, но не убить. Убийство – это уже слишком! Вздохнув, он повернулся к Сарчуку, размышлявшему о том же. Как всегда в такие моменты, между белёсых бровей товарища образовались две глубокие складки.

– Размышляешь, у кого поднялась рука? – поинтересовался Сарчук. – Признаюсь, и меня тревожат подобные мысли, – он почесал подбородок, за ночь успевший обрасти светлой щетиной. – Интересно, кому и для чего понадобилось проливать кровь в таком месте? Это факт!

«Факт» было излюбленным словечком опера. Он вставлял его к месту и не к месту.

– Сейчас всё узнаете, – медэксперт, наверное, один из всех погруженный в размышления, далёкие от убийства, и пытавшийся придумать, где достать материал для выпускного платья старшей дочери, лихо подрулил к красивому особняку. Бригаду уже поджидал стройный подтянутый участковый.

– Капитан Трушин, – представился он, когда сотрудники уголовного розыска вышли из машины. – Оперативно же вы, товарищи...

– А мы всегда оперативно, это факт, – заметил Сарчук. – На то я и опер. А ты, капитан, времени даром не теряй. Докладывай обстановку.

Трушин приосанился, посерьёзnel и отчеканил, как прилежный ученик:

– Убитая – Нина Ельцова, дочь известной певицы, ныне покойной Нонны Борисовны Поляковой. На первый взгляд, причина смерти – черепно-мозговая травма. Орудие убийства не искал, вас дождался, – он вытер пот с покрасневшего от волнения лица.

– Правильно делал, – Козлов похлопал его по плечу. – Терпеть не могу работать в тяжёлых условиях, – он ободряюще улыбнулся. – Ну, это когда все улики почти уничтожены. Бывают такие ретивые участковые... Натопчут, как слоны, будто в школе милиции их не учили, как нужно вести себя на месте преступления.

Трушин снова зарделся, на этот раз от похвалы. Петрушевского забавляло, что в свои тридцать с лишком парень краснел, как мальчик.

– Ну, веди нас на место преступления, – сказал он.

– Слушаюсь, – капитан приставил ладонь к козырьку и уверенно вошёл в подъезд. Группа гуськом двигалась за ним. Поднимаясь по свежевывмытым, вычищенным до блеска ступеням, Петрушевский подумал, что жильцы этого дома не знали, каково жить в двушке-распашонке, где часто отключают горячую воду, и минимум дважды в день вдыхать запах кошачьей мочи (а иногда и самому убирать человеческие экскременты) в грязном подъезде. Он знал: для таких домов выделялись уборщицы, которые с остервенением днём и ночью драили лестницы в надежде хоть одним глазком увидеть какую-нибудь звезду и выклянчить у неё автограф.

– Пришли, – участковый прервал его размышления и толкнул деревянную дверь, – зрелище не из приятных.

– Да уж всякого навидались, не новички, – буркнул Виктор и добавил: – Это факт.

Анатолий заметил про себя, что не привык и никогда не привыкнет к смерти. Особенно к такой смерти... Полная пожилая женщина в цветастом летнем платье лежала лицом вниз в просторной прихожей. Каштановые волнистые волосы окрасились уже запекшейся кровью, образовавшей на паркете небольшую лужицу. Вадим, успевший надеть перчатки, осторожно перевернул тело. В серых широко распахнутых глазах погибшей читались боль и страх. Понятые, пожилые супруги, стояли возле стены блее простыни.

– Мученическую смерть приняла, бедняга, – вздохнул медэксперт и указал на багрово-красные ожоги треугольной формы, в изобилии покрывавшие руки несчастной. – Судя по всему, пытал её изверг. Пытал, а потом добил. Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы, – заметил он. – Ищите, ребята, орудие преступления – тупой тяжёлый предмет.

Анатолий поднял с пола медную гирьку на цепочке от часов с кукушкой.

– Это, что ли? На ней кровь...

– И вот это, – Виктор достал из-под кровати молоток, обильно измазанный красной субстанцией. Козлов положил перед собой два орудия преступления и ещё раз осмотрел раны на голове убитой.

– Судя по всему, первый удар нанесён гирей, – задумчиво проговорил он. – Вероятно, преступник схватил под руку первое, что ему подвернулось, – мужчина поднял глаза на ходики, печально молчавшие без гири, – а потом, не уверенный, что жертва мертва, решил добить молотком.

Петрушевский следом за экспертом перевёл взгляд на часы, застывшие, словно в скорби по хозяйке, и вспомнил старые бабушкины ходики с кукушкой. В детстве его удивляло и забавляло, что их механизм запускался при помощи гири, покачивавшейся на цепочке. Это казалось странным и смешным. Тронул гирю – и пошли, ожили часики, и уже через час кукушка сообщает время. К старинным ходикам, доставшимся ей от матери, бабушка относилась благоговейно, каждый день смахивала с них пыль и считала голосистую кукушку своей давней подругой. Даже через много лет после её смерти у Петрушевского не поднималась рука выбросить часы или использовать гирю в других целях. Это была память, и память неприкосновенная. Здесь же убийца долго не раздумывал. Скорее всего, он знал, что покончит с бедняжкой, и не захватил с собой своё орудие только потому, что убить пожилую беззащитную женщину не составляло труда. И ещё он знал, что предметов для такого дела найдётся в квартире сколько угодно. Человека легко лишить жизни. Это только кажется, что он большой и сильный. Это только кажется... На самом деле всё не так, и идти на преступление можно и налегке. Всё необходимое можно позаимствовать у жертвы. Гирю от часов, молоток, утюг, в конце концов... Треугольные красные ожоги на теле напоминали следы от раскалённого утюга. Кстати, где он? Словно в подтверждение его безрадостных мыслей из соседней комнаты раздался голос Виктора:

– Смотри, Толя, этот негодяй намеревался скрыть следы преступления! Ребята, идите сюда!

Оперативники бросились на его зов. Сарчук, стоя посередине комнаты, размером соответствовавшей первой, указывал на груды газет, почти скрывшую включённый в розетку утюг.

– Соображаете, что хотел сделать убийца? – поинтересовался он с видом победителя. – Стоило этому чуду техники как следует раскалиться, газеты бы вспыхнули, словно облитые бензином. В этом доме деревянные перегородки. Он бы разом загорелся и сложился, как карточный. Таким образом, все следы преступления были бы уничтожены.

– Верно, – согласился Петрушевский, прикоснувшись к утюгу. – Чуть тёплый. Перегорел, наверное. Да, техника на грани фантастики спасла жильцов. При пожаре наверняка мы обнаружили бы не один труп.

Вадик вынул провод из розетки и понюхал.

– Точно, перегорел, – констатировал он. – Не всё рассчитал, гад. Ребята, у вас уже мотивчик какой-нибудь вырисовывается?

Петрушевский слегка провёл по длинному вытянутому носу, покрытому каплями пота.

– Когда человека подвергают пыткам, вывод напрашивается сам собой, – буркнул он. – Кроме того, в квартире всё перерыто, явно что-то искали. Получается, налицо мотив – ограбление.

Сарчук запустил пятерню в свои густые белокурые волосы.

– Думаю, у этой семейки было что взять, – задумчиво проговорил он. – Что вы знаете про певицу и её дочь?

– Только то, что Нонна неплохо пела романсы, – откликнулся Петрушевский. – Как-то лет десять назад жена вытащила меня на её концерт. Признаться, я мало понимаю в музыке, но лирическое сопрано от баритона отличить могу. Моя Аня сказала, что у Поляковой прекрасное лирическое сопрано, – он улыбнулся. – Однако мне понравилось, что у неё был свой, особенный стиль. Я не видел певицы, которая работала бы в том же направлении. Нонна Борисовна исполняла песенки на разных языках, и очень неплохо, я бы даже сказал здорово. Не каждый артист передаст колорит народности, а ей это удавалось. Она сказала, что работала с самим Станиславским... Вероятно, он ей много дал... Кстати, дядя звезды был знаменитым конференсье, который старался привнести новое в свой жанр. Он писал рассказы и зачитывал их публике вместо набивших оскомину шуточек. В двадцатые годы многие ходили в театр, чтобы его послушать. А в конце вечера на сцену вышла любимая ученица Поляковой. Кто бы вы думали?

Козлов и Сарчук переглянулись.

– Толмачёва, что ли? – предположил Виктор, назвав фамилию любимой певицы. – Сдаётся мне, у неё тоже... это... сопрано.

– Бери выше! – усмехнулся Анатолий. – На сцену даже не вышла, а выплыла сама Зайцева. Она долго обнимала Полякову, а потом затянула свою «Реку Волгу». Ну и голосина! Мне казалось, всё содрогается от его мощи!

– Поговаривают, Зайцева любит драгоценности, в частности бриллианты, – заметил судмедэксперт. – Почему бы не предположить, что этих двух дамочек связывала не только музыка? Я, помнится, от кого-то слышал, что наша Нонна передала ученице не только свои музыкальные знания, но и страсть к бриллиантам.

Петрушевский сразу посерьёзnel:

– Если это так, я нам не завидую. Где бриллианты, там всегда крутятся сами знаете кто. Ну, те, которых мы никогда не станем допрашивать.

Сарчук подумал, что следователь даже здесь не решился назвать имя родственницы высокопоставленной особы. Её любовь к бриллиантам была известна не только им – кажется, всему народу. Ходили слухи, что ювелирные магазины городов, которые вдруг вздумалось посетить этой даме, специально готовили ей дорогие подарки в виде сверкающих камешков. А ещё поговаривали, будто она была готова продать душу дьяволу, лишь бы заполучить драгоценности,

которые не украшали её коллекцию. С помощью своего любовника, оперного певца, дама собирала информацию о тех, кто имел в закромах антиквариат, и где угрозами, где обещаниями – но только не деньгами – заставляла несчастных расставаться с ними. А что, неплохая версия, имеющая право на существование. Виктор бросил взгляд на следователя, подозревая, что Анатолий думает о том же. Если они правы – это всяк. Никогда и никто не подпустит их к могущественной особе.

– Ребятки, давайте ещё раз всё внимательно осмотрим, составим протокол и наконец отпустим наших понятых, – следователь словно только что заметил несчастных супругов и кратко объяснил их обязанности. Жена, стройная, несмотря на преклонный возраст, с копной седых волос, кивнула.

– Кстати, сестра покойной уже в пути? – поинтересовался Петрушевский. – А её муженёк, который вызвал милицию, почему нас не дождался?

– Сестре сообщили, и мужу тоже, – спокойно произнес Виктор. – Обещали быть.

– Отлично, – Анатолий погрузился в написание протокола, а закончив, дал прочитать понятным. – Если всё верно, распишитесь. Сами-то про покойную что-нибудь можете сказать? Оба, как китайские болванчики, отрицательно замотали головами.

– Не допускали нас сюда, – призналась женщина. – Оно и понятно. Кто мы такие? Нам эта квартира по наследству от моей матери-художницы досталась. Вот с ней Нонна любила погонять чай. А мы даже порог не переступали. Хотя при жизни Нонны у неё был проходной двор. Помнишь, Григорий, я тебе рассказывала? – она посмотрела на мужа, который по-прежнему стоял молча, будто истукан. – Нельзя так сближаться с учениками.

– В каком смысле сближаться? – не понял Анатолий.

– А вот как хотите, так и думайте, – усмехнулась женщина. – Из всех своих учеников наша соседка особо выделяла молодых красивых мужчин. А уж насколько близко она к себе их допускала – этого я вам не скажу. Свечу не держала.

– Можете назвать кого-то конкретно? – спросил следователь, с надеждой подняв на понятую серые усталые глаза. Если бы эта дама назвала имена и фамилии, она бы сильно облегчила их работу. Но соседка лишь недовольно тряхнула седой гривой.

– Если меня на порог не пускали, откуда мне знать фамилии её прихлебателей? – веско заметила она. – Вы уж сами ищите, товарищ следователь.

– А о потерпевшей тоже ничего не скажете? – Петрушевский цеплялся за соломинку.

– О Ниночке? – морщинистое лицо женщины оживилось. – Ниночка была золото. Странно, почему замуж не вышла при такой-то матери, – она запнулась и махнула рукой. – Впрочем, что тут странного? Если кто из этих прихлебателей и переключался на Нину, она гнала его. И правильно делала.

Разумеется, кто из «прихлебателей переключался на Нину» – следователь уточнять не стал. Этого женщина не знала.

– Ещё раз большое спасибо, можете быть свободны, – поблагодарил он супружескую чету и посмотрел на часы. – Не спешит что-то наша пара Шаповаловых.

– Сестра Нины не Шаповалова, а тоже Ельцова, – обернувшись на пороге, сообщила пожилая дама. – Живёт нерасписанная, бесстыдница. Ниночка совсем другая была, без ЗАГСа сожительствовать не хотела. Да и нужны были ей эти прихлебатели!

– Значит, по-вашему, Шаповалов тоже прихлебатель? – уточнил Анатолий, вспомнив о своей соседке, довольно симпатичной женщине средних лет, которая никогда не была замужем официально и совершенно спокойно относилась к сожительству. Мужчин она меняла как перчатки, и, когда его жена как-то поинтересовалась, почему Женя (так звали соседку) никак не свяжет себя узами брака, та без тени смущения ответила:

– Да все они альфонсы, – так в зарубежных фильмах прихлебателей называют. Думают, если я работаю в сфере торговли, значит, им можно жить на мои денежки, а свои в кубышку

складывать. К тому же, представляешь, недавно выяснилось, что мой последний кавалер вообще женат. А как маскировался! Я ведь с порога требую: «Паспорт покажи».

– И что же у того обманщика, штамп не стоял? – удивлялась жена.

– Не поверишь – он документ у брата младшенького выклянчил, – пояснила Женя. – А тот покамест холостой. Так вот и дурят нашу сестру.

Жена, пообщавшись с соседкой, со смехом пересказала всё Анатолию. Она не жалела бедную обманутую Евгению, потому что считала: та, как говорилось в стихотворении Пушкина, была «сама обманываться рада». Интересно, к такой же категории принадлежала сестра Ельцовой?

– А как к ней относилась мать? Так же хорошо, как и к Нине? – спросил он пожилую даму, уже державшуюся за дверную ручку. – Судя по всему – нет, раз она предпочитала жить с Ниной.

Женщина изобразила изумление, и ярко накрашенные губы скривились.

– Значит, вы не в курсе, товарищ следователь, – в её глазах вспыхнул довольный огонёк. Дама наконец нашла благодарного слушателя и готова была выложить все, что знала.

– Какая мать, о чём вы говорите! – от избытка чувств она прислонилась к стене. – Девочки – круглые сироты, у них происхождение самое что ни на есть крестьянское. Нина говорила: их родители в гражданскую войну с голоду померли, девчонок забрали в детский дом. Когда они выросли, то в Москву подались. Она же у нас резиновая! – усмехнулась дама. – Сонька где-то в магазине пристроилась, а Ниночке повезло: Нонне требовалась домработница, вот ей Нину и порекомендовали, – уж извините, не знаю кто и как. Бедняжка за троих пахала. Если бы вы видели ручки этой певицы, вы бы сразу поняли, что они тяжелее микрофона сроду ничего не держали. Ниночка и стряпала, и стирала, и столы гостям накрывала. Нонна к ней так привязалась, что лет десять назад удочерила. И ведь верно поступила – сама одна как перст. Личная жизнь не заладилась, деток не нарожала, так хоть сироту облагодетельствовала. Все свои драгоценности Ниночке завещала, пусть та и не любила наряжаться – очень уж скромная была.

Сарчук, стоявший возле шкафа и внимательно изучавший его содержимое, вздрогнул и обернулся.

– Драгоценности, говорите?

– Вот именно, и от слов своих не отказываюсь, – с обидой произнесла женщина. – Мать моя рассказывала, Нонна не из простой семейки происходила. Отец – какая-то шишка в Кремле, – думаю, это вы и сами потом выясните, мать дворянских кровей, отсюда и дорогие украшения.

– Насколько дорогие? – с интересом спросил Петрушевский. Соседка закатила глаза, как драматическая актриса.

– Дорогие – значит дорогие, очень дорогие, если хотите, – с придыханием пояснила она. – На бриллиантовое кольцо зарилась сама... не буду фамилии называть, вы и без меня догадаетесь. Нонна рассказывала моей матери, как известная всем особа упрашивала её обменять эту вещь или продать. Но наша певица – ни в какую. Мол, память о покойной матушке... Подруга даже ляпнула, что с собой в могилу всё не унести, – женщина вдруг испугалась собственных слов и оглянулась по сторонам, словно боясь, что их подслушивают. Она хотела ещё что-то добавить, но передумала.

Анатолий отодвинул бумаги.

– Виктор, – позвал он коллегу, – вы закончили осмотр квартиры? Меня интересуют драгоценности, которые вы нашли.

Сарчук заморгал глазами.

– Да я сразу понял, что их нужно искать в первую очередь, – сказал он и взъерошил светлые волосы, сразу став похожим на мальчишку-девятиклассника. – Только здесь ничего нет. Наша версия подтверждается, Толя.

Петрушевский повернулся к вышедшему из спальни Козлову.

– Вадик, что-то удалось обнаружить?

Медэксперт удовлетворённо кивнул.

– Отпечатков пальцев довольно много, – заметил он. – Нужно снять их у сестры и её сожителя. Может статься, они были здесь недавно, и Нина с тех пор не убиралась. Кроме того, на дверной ручке наверняка отпечатки этого Шаповалова. Он первым обнаружил труп.

Петрушевский уже в который раз взглянул на часы.

– Не нравится мне это, – произнёс он. – Парочка давно должна быть здесь. Живут они не так далеко, и, по моим меркам, успели бы сюда через час после нашего прибытия добраться. Как считаете?

Виктор побледнел.

– Как бы они не сбежали! – удручённо произнёс он. – Эх, неохота к ним пилить, жара начинается, – да видно, придётся.

– Ладно, не стони, – напутствовал его Анатолий, снова потирая утиный нос. За эту привычку, прочно укоренившуюся с детства, его постоянно ругала жена, но отучить не могла, и следовательно в минуты глубокого волнения вновь подносил указательный палец к лицу. – Всё равно другого предложения нет.

Виктор снова открыл рот, словно собираясь протестовать, хотя прекрасно понимал, что, несмотря на жару и переполненные потными телами троллейбусы, мчатся к Шаповаловым всё равно придётся, – как вдруг, на его счастье, дверь распахнулась, и на пороге показалась долгожданная чета.

Милиционеры никогда не видели Шаповалова и Ельцову и вычислили их лишь потому, что последняя была похожа на покойную сестру. Увидев кровь в прихожей и тело, которое уже забирали санитары, женщина заголосила:

– Сестричка моя бедная! На кого же ты меня оставила!

Что-то театральное слышалось в этом плаче, и Петрушевский вспомнил о профессиональных плакальщицах, которых сто лет назад приглашали на похороны за деньги голосить по покойнику. Да и само лицо Софьи, жёлтое, отёчное, не выражало скорби. Из зелёных чуть раскосых глаз не скатилось ни слезинки, хотя родственница упорно утирала их платком не первой свежести, в каких-то шафрановых пятнах. Её сожитель, худой мужчина лет под сорок с короткой стрижкой и невыразительным лицом, стоял и, не выказывая никаких эмоций даже ради приличия, наблюдал за санитарями.

– Софья Дмитриевна, проходите, – пригласил Анатолий. – Вы очень кстати. Мы сами хотели к вам ехать, – от него не ускользнуло, что при этих словах Шаповалов слегка побледнел. – Что же вы так припозднились?

Софья снова приложила платок к глазам.

– Когда я узнала о моей бедной сестрёнке, сердце так и заколотилось, так и заколотилось, – простонала она, – голова закружилась... Я упала на диван, и Серёжа накапал мне валерьянки. Пока я в себя пришла... Да и то не совсем. По улице идём, ноги ватные, еле передвигаются. Неужели вам не понять моё состояние? – произнесла она плаксиво. – Сестрёнку единственную убили. Теперь я одна как перст. Как дальше жить, не представляю.

Сергей, поддерживавший сожительницу за локоть, молчал, словно во всём с ней соглашался.

– Садитесь, – Анатолий указал на стул. – Софья Дмитриевна, от вас требуется немного. Скажите, вы часто бывали у сестры?

Губы потерпевшей скривились, возле носа пролегли глубокие складки. Всем своим видом она выражала недовольство.

– А с какой стати мне здесь часто бывать? – зло проговорила она. – Мать её приемная, Нонка, при жизни меня не жаловала. Придумала, ведьма старая, что мы с Серёжей приходим сюда только деньги клянчить. А мы, между прочим, не какие-нибудь тунеядцы. Я за прилавком день и ночь пропадаю, мой муж сантехником работает. Ну, просили иногда трешку до зарплаты, так разве от них убывало? Как сыр в масле катались.

– Хорошо, – кивнул Анатолий. – Певичка вас не жаловала. Но после смерти Поляковой вы, наверное, навещали сестру чаще?

Недовольное и злобное выражение не сходило с лица Софьи.

– Да и с сестрёнкой мы редко чай гоняли. Видно, певичка эта и Ниночке внушила, что её кровная родня только за деньгами сюда шастает. И Ниночка мало нам помогала, хотя у самой деньжищ куры не клевали!

– Ну, если вы так хорошо осведомлены о материальном положении вашей сестры, может, скажете, что пропало?

Впервые в глазах Софьи появился интерес. Она встала и задвигалась по квартире, хорошо ориентируясь в огромных комнатах. Сарчук только и успевал констатировать её слова.

– Облигации пропали, на огромную сумму, вот в этом ящике лежали, – толстый указательный палец с поломанным ногтем легко открывал ручки шкафов. Когда она вытащила деревянную шкатулку оригинальной резьбы, Виктор уже знал, что скажет женщина.

– Батюшки, драгоценности-то где?! – вот теперь в голосе Ельцовой звучало неподдельное горе. – Как же это так, товарищ следователь? Нашей семье, значит, ничего не достанется?

Петрушевский закатил глаза.

– Почему вашей семье должно было что-то достаться? – поинтересовался он. Софья, как куница, обнажила мелкие острые зубы.

– Нинка была моей родной, так? – спросила она. – Кому же, по-вашему, достанутся её цапки? Учтите, я судиться буду. Пусть мне отдадут всё до копейки. Мне, между прочим, – она погрозила пальцем, как непослушному ребёнку, – квартиру обставлять.

– Давайте отложим этот вопрос на потом, – Петрушевский отмахнулся от неё, как от назойливой мухи. – Тем более, как вы говорите, всё пропало. Виктор, составь опись пропавших вещей, – обратился он к Сарчуку и встал. – Садись на моё место. А я пока с товарищем Шаповаловым побеседую.

Глаза сантехника забегали.

– А я что? Я ничего, – быстро проговорил он. – Труп нашёл – и сразу вам звонить. И, между прочим, назвал себя, а мог бы этого не делать. Сами знаете, что про вас рассказывают. Кто труп нашёл – того и в преступники записываете.

– Ну, это вы сильно хватили, – улыбнулся следователь, усевшись на диван и положив лист для протокола на потёртую коричневую папку из кожзама. – Никто никуда вас записывать не собирается. От вас требуется рассказать по порядку, почему вдруг в такую рань вы решили навестить покойную и что увидели в её квартире.

Сергей мял в руках серую кепку.

– А я всё сразу рассказал, – начал он. – Нинка уж три дня как обещала в гости заскочить. Договорились окончательно на вчера, на пять. А она не приехала. Мы позвонили по телефону – никто не отвечает. Ну, Соня забеспокоилась.

«Давай, – говорит, – загляни к сестрёнке поутру, до работы». Вот и получилось, что отправился к ней с петухами, чтобы в ЖЭК не опоздать. Кстати, и транспорт лучше ходит, толчеи нет. Аккурат в шесть сюда прибыл. Кнопку звонка жму – никто не открывает. Я возьми да дёрни со злости дверь – она и распахнулась. Какую картину увидел – вы и сами знаете. Ничего не трогал, сразу рванул к ближайшему автомату – и вам звонить.

– Почему же не дождались? – удивился Петрушевский. – Это ваш гражданский долг.

– А наш начальник ЖЭКа шутить не любит, – пояснил сантехник. – Я у него незаменимый работник. В нашем районе вечно что-то прорывает или у кого-то течёт. Попробовал бы я не подойти к планёрке! Потом, когда Соня позвонила и я ему ситуацию объяснил, он меня отпустил.

– Понятно, – Сергей говорил быстро и сбивчиво, но Анатолий успевал записывать каждое слово. – Скажите, а когда вы шли к Нине или выходили из её квартиры, вам никто не встретился по пути?

Сантехник покачал круглой головой:

– Никто. Ни единой души не было. Помню, меня ещё дрожь прошибла. Думаю, тихо, как на кладбище, – его передёрнуло. – Ужас-то какой.

– Значит, это всё, – следователь протянул ему протокол. – Прочитайте и распишитесь, если со всем согласны.

Шаповалов тряхнул головой.

– Ничего читать не буду, я вам верю. Если уж вам не верить, то кому?

Петрушевский не стал уточнять, что минут пять назад кто-то очень даже нелестно отзывался об органах правопорядка.

– Я бы на вашем месте прочитал, – заметил он, но сантехник замахал руками: – Нет, нет, мне, чтобы вчитаться, время требуется. А его у меня как раз и нет. На работу пора, не то шеф голову оторвёт.

– У меня к вам одна просьба, – Сергей повернулся к Козлову, который стоял рядом со своим неизменным чемоданчиком. – Вадик, сними отпечатки у товарища Шаповалова и товарища Ельцовой.

Шаповалов опять побледнел:

– А это ещё зачем? Или вы меня в чём-то подозреваете, товарищ следователь? Да я чист, как стекло!

– Ваши отпечатки нам требуются для того, чтобы потом сравнить их с другими и отделить от отпечатков преступника, – пояснил Анатолий. – Всё очень просто, товарищ.

– Ну, раз надо, так надо, – Сергей позволил Козлову взять отпечатки пальцев. Настороженность и страх в его глазах наводили Петрушевского на мысли, что этот простоватый на вид сантехник сказал им далеко не всё. Но что же он скрывает? И как заставить его разговариваться? Может быть, поможет экспертиза? Соня, на удивление, казалась спокойной. В отличие от сожителя, она без возмущения позволила Вадиму снять отпечатки с её руки.

– Протоколы подписаны, вы свободны, – провозгласил Петрушевский и мельком взглянул на Сергея. Казалось, тот испытал облегчение.

– Ну, спасибо, товарищ следователь, – сказал он, и в его голосе Анатолий уловил весёлые нотки. – Когда уже убийцу нашей Нинушки поймаете?

– Будем стараться сделать это в кратчайшие сроки, – пообещал Петрушевский. – Многое и от свидетелей зависит. Иные с милицией откровенничать не хотят, скрывают, на их взгляд, незначительные мелочи, а эти мелочи порой способствуют быстрому раскрытию преступления, – он снова посмотрел на Шаповалова и вновь увидел страх в его глазах. Да, этого парня ещё придётся потрясти, он явно знает больше, чем говорит. Надо подумать, как это сделать, может, даже побеседовать с участковым.

– Если всё, можно нам идти? – поинтересовалась Софья. – Вы уж, пожалуйста, информируйте меня, товарищ следователь. Сами понимаете, драгоценности эти, считай, наши.

Анатолий с облегчением указал им на дверь, и, когда парочка ушла, ему почудилось, что в душную комнату, насквозь пропахшую потом оперативников, ворвалась живительная струя воздуха. От волнения указательный палец потянулся к носу, и Петрушевский усилием воли сжал руку в кулак. Да, с этой привычкой нужно бороться. Виктор говорил, его уже в

отделе передразнивают. А как тут её искоренишь, если на работе сплошные волнения? Вот и сегодня... Одно общение с Шаповаловым и его сожительницей чего стоило! Люди, подобные родственникам покойной, не вызывали у него симпатии. Их алчность переходила всякие границы, и следователь подумал, что сделает всё, чтобы Софья Ельцова не получила драгоценности. Она их не заслужила. Какие-то побрякушки, пусть даже стоившие кучу денег, эта дама ставила выше, чем жизнь единственного близкого человека. Поэтому...

Громкий голос Сарчука вклинился в его безрадостные мысли.

– Гляди, какую опись сестра покойной составила, – он сунул ему под нос протокол. – Думаю, цапек было на полмиллиона рублей. Даже не представляю, что можно купить на такие деньги! – он закатил глаза. – Конечно, какой-нибудь Рокфеллер спокойно нашёл бы им применение!

Анатолий слушал коллегу вполуха, пробегая глазами список. Поистине, Ниночка Ельцова получила в наследство несметные богатства. Здесь были и бриллиантовые кольца, и серьги «Вдовьи слезы», и кольца с бриллиантами ручной работы, и огромный перстень с рубином со зловещим названием «Кровь падишаха», и сапфиры, и изумруды... И ещё много-много всего...

– Каковы распоряжения, начальник? – поинтересовался оперативник, догадываясь, о чём думает Петрушевский.

– Перво-наперво возьмём под контроль скупки, – решил следователь. – Витя, ты со своими ребятами организуй поквартирный обход. Не думаю, что никто ничего не видел и не слышал. И будем ждать заключения нашего кудесника, – он указал на Вадима, деловито собиравшего свой чемодан. – Сам знаешь, они у него порой бывают неожиданными.

Часть 3

Приморск, 2016

Глава 1

Проснувшись на следующий день, Галя перехватила жёсткую краюху хлеба и свернувшийся кусочек сыра, который отыскала в холодильнике, села на диван и снова принялась размышлять, несмотря на то, что вчера приняла решение. Ей предстояло пройти самое неприятное испытание в жизни – похороны родной матери, и она не представляла, как выдержит эту процедуру, но знала, что выдержит. Человек жив, пока о нём помнят. Значит, мама навсегда останется жива в памяти. Такие мысли приносили облегчение, и Галя переключилась на другое. Сегодня нужно было выбрать ритуальное агентство, которое сделает всё быстро и качественно, освободив её по возможности от всех забот. Ведь каждый шаг в организации такого мероприятия давался с трудом. Галина понимала, что любая подобная конторка рада взять на себя любые хлопоты, но за это предстояло заплатить, и немало. Она ещё раз подумала, что у Славика не займёт ни копейки, как и у его друзей под проценты. Во-первых, деньги придётся возвращать, во-вторых, они имеют свойство кончаться, а значит, работа для неё важнее. Вывод напрашивался только один: Аркадий Петрович всё же получит перстень, который подарит своей любовнице Татьяне. А если после набраться наглости и попросить деньги на похороны? Подумав об этом, Галя решительно встала и смахнула набежавшие слёзы. Как бы то ни было, попытка не пытка. Вперёд, в родную фирму! Она быстро натянула на себя лёгкое хлопковое красное платье, которое необычайно шло к глазам и волосам, сунула ноги в босоножки без задников и, схватив коробку с перстнем, выбежала на улицу. В сумочке осталось немного мелочи на троллейбус, и девушка, сжавшись в переполненном салоне, снова тихо заплакала, думая о том, что осталась одна на всём белом свете. Как ужасно, когда у тебя нет близких друзей, когда бывшему мужу, который рвётся помочь, ты не доверяешь! Как страшно рассчитывать только на себя, на свои силы...

Троллейбус притормозил на нужной Гале остановке, и она, выпорхнув из салона, сделала глубокий вдох и зашагала по аллее, по обеим сторонам которой росли высокие стройные каштаны. Аромат их бело-розовых цветков она очень любила, но цветы облетели в начале июня, и теперь на безобразных свечках потихоньку рождались крошечные зелёные «ёжики». Не пройдёт и двух месяцев, как они начнут осыпать прохожих своими плодами – твёрдыми полированными шариками причудливой формы. Когда-то в детстве Галя набирала их пригоршнями и несла домой, строя в своей комнате диковинные замки на ковре. Но, к сожалению, каштаны вскоре засыхали, лакированные корочки морщились, превращаясь в нечто напоминающее пол со вздувшейся краской, и мама сметала их в мусорное ведро. Для девочки эта процедура была символом того, что лето ушло безвозвратно, скоро кончатся тёплые дни.

Она тяжело вздохнула, наступив на засохший лист каштана. Вчера оборвалась последняя связь с детством – умерла мама. Сначала дед, потом бабушка, и вот теперь... вот теперь мамочка... По белой, незагорелой щеке снова потекла предательская слезинка, и Галя смахнула её. Шеф не любит, когда перед ним плачут. Это его раздражает. Он предпочитает мужественных людей, не теряющих присутствия духа даже в экстремальных ситуациях. Что ж, попробуем соответствовать его вкусам. Девушка решительно дёрнула дверь и зашла в вестибюль. Охранник Гриша недовольно покосился на неё.

– Тебя же вроде уволили...

Как настоящий охранник, парень не славился умом, и Галя в два счёта переубедила его.

– Мне удалось договориться с Аркадием Петровичем. Правда, сегодня я ещё не на работе, но, надеюсь, ты не откажешь мне в любезности...

Гриша ухмыльнулся:

– Проходи, красавица.

Галя миновала шлагбаум и твёрдой походкой направилась к кабинету шефа. Лариса, в новом бирюзовом платье, оттенявшем цвет рыжеватых густых волос, что-то печатала на компьютере. Увидев Лопатину, она охнула:

– Ты же уволена!

Девушка обняла секретаршу и зашептала ей на ухо:

– Ларочка, пропусти меня к нему... Кажется, у меня нашлось то, на что ты намекала. Не факт, что в этот раз он мне откажет...

Синие глаза Ларисы расширились, напоминая два фарфоровых хрупких блюдца:

– Антиквариат?

– Всё потом, всё потом, дорогая, – Галя махнула рукой. – Он у себя?

– У себя, и совершенно один, – успокоила Лариса. – Ну, ступай. Как говорится, с Богом.

Галина вошла в кабинет шефа, стараясь выглядеть уверенной, но коленки предательски дрожали. Аркадий Петрович, подёргивая толстыми, похожими на студень щеками, пил чай из фарфоровой кружки – подарка жены.

– Это ты? – он вскинул на девушку бесцветные водянистые глаза. – Что ты здесь делаешь? Кто тебя сюда пропустил?

– Аркадий Петрович, – Галя шагнула и заговорила, не дав ему опомниться. – Простите, я была неправа. «Господи, что я говорю? – завертелось в голове. – Как это неправа? Значит, я могла не прийти к умирающей матери?» Она чуть не сбилась от уколов совести, но всё же продолжала:

– Моя мама умерла, и я хочу вернуться обратно. Если вы меня возьмёте, этот перстень ваш.

Она положила перед шефом коробку, открыла и подставила драгоценность лучам солнца. Бриллианты заиграли разными красками, алый рубин отбрасывал кровавые блики на стол руководителя. Аркадий Петрович подавился чаем и закашлялся, указывая Гале на свою толстую спину. Она старательно постучала по ней, приводя мужчину в нормальное состояние.

– Откуда он у тебя? – прохрипел директор, осторожно, словно хрупкую статуэтку, взяв перстень.

– Достался в наследство от прабабушки, – соврала девушка. – Перстень, между прочим, знаменитый, называется «Кровь падишаха». Если хотите, прочитайте о нём. Антиквары дадут за него огромные деньги. Только я должна предупредить: многие считали и считают, что он приносит несчастья, – в самый последний момент Галя решила, что не может утаить такой секрет. Пусть шеф мерзкий, противный и непорядочный, однако причинить зло своими руками, даже с помощью перстня, было выше её сил. – И если вас это не беспокоит, он ваш.

Она видела, как колебался начальник, но вовсе не потому, что боялся накликасть беду с помощью драгоценности. Такие мелочи его не пугали. Дело было в другом. С одной стороны, ему хотелось наказать дерзкую подчинённую, чуть не сорвавшую сделку с французами, но с другой, – упускать такую вещь казалось совершенно непростительным. Не далее как вчера Татьяна заявила ему, что недовольна подарками, и намекнула на расставание. Он ведь никогда не женится, и это правда, ну не может он бросить супругу Ирину – совладелицу его фирмы. Придётся задабривать любовницу, и старинное кольцо как раз кстати.

– Ну вот что, – мужчина обдумывал каждое слово, чтобы не показаться слишком добрым. Пусть считает себя виноватой и в следующий раз поостережётся игнорировать приказы шефа, – я беру тебя обратно и... Значит, твоя мама умерла? Что ж, печально, прими мои собо-

лезнования. Наверное, будет несправедливо за такой дорогой подарок лишь вернуть тебя на место, с которого ты пока даже не уволена. Сколько стоят похороны?

Галя опустила ресницы:

– Честно говоря, я не узнавала.

– Тогда беги и узнавай, – студенистые щёки снова дрогнули, толстые губы, которые он всё время облизывал, сложились в сочувственную улыбку. – Бери все счета и неси сюда. Считай, что тебе повезло, девочка. Я не такой монстр, каким меня, возможно, считают. Всё будет оплачено.

Коленки девушки снова задрожали, на этот раз от радости.

– Правда, Аркадий Петрович?

– Как известный бизнесмен, я привык держать слово, – ответил он сурово. – В наших кругах не прощается необязательность. Насчёт этого ты можешь быть совершенно спокойна. Иди и возвращайся со счетами. Кстати, скажешь, когда похороны. Я отправлю Лариску, чтобы с тобой был кто-то из наших. Насколько мне известно, у тебя нет близких людей?

– Нет, – откровенно сказала Галя.

– Значит, теперь мы твоя семья, – он встал, еле протиснулся между столом и стенкой, подошёл к ней и похлопал по спине. – Крепись, девочка. Мы все когда-нибудь да теряем родных. Лучше бы это происходило поздно, но на этом свете, как и на том, распоряжается Господь. Ступай с Богом.

Шеф ещё раз похлопал её по спине, и Галя вышла из кабинета. Вездесущая Лариса отпрянула от двери и приняла невинное выражение.

– Подслушивала? – усмехнулась девушка. – Хорошо, хоть рассказывать не придётся.

– Ой, Галка, как я за тебя рада! – затараторила секретарша. – Впрочем, и за себя тоже. Сколько раз ты меня выручала! Наверное, пришёл черёд и мне сделать доброе дело.

– Наверное, – согласилась Галя. – Извини, поболтала бы, да некогда.

– Да, да, понимаю, – теперь лицо Ларисы выглядело скорбным. – И соболезную. Если что понадобится – я всегда приду на помощь.

Девушка поблагодарила коллегу и вышла под палящее солнце. Казалось, ноги проваливались в размягчённый асфальт. Галя дошла до остановки и села на скамейку под тентом. Теперь ей предстояли неприятные хлопоты. Где же в городе ритуальные конторы? Она никогда не касалась этого вопроса. Когда умерла бабушка, похоронами занималась мама. Галя уже хотела спросить у первого встречного, как вдруг телефон разразился музыкой Баха. Она достала его и взглянула на дисплей. Славик! Меньше всего ей хотелось разговаривать с ним.

– Да, слушаю, – холодно ответила она. Бывший муж не обратил никакого внимания на её тон.

– Я был у тебя дома, – начал он. – Куда ты делась?

– Ездила на работу, – нехотя пояснила девушка. Он изумился:

– Зачем? Тебя, кажется, уволили.

– Как выяснилось, не совсем, и сейчас снова взяли, – сообщила Галя.

– Поздравляю, – в его голосе не чувствовалось энтузиазма. – А я с утра как угорелый мотаюсь по конторам, ищу, где дешевле. Кроме того, – мужчина перевёл дух. – Я раздобыл деньги. Один мой приятель согласен дать тебе ссуду всего за три процента.

– Спасибо, но уже не нужно, – улыбнулась Галина. – Слава, меня не только взяли на работу, но и оказали материальную помощь. Все расходы по похоронам берёт на себя фирма.

На несколько секунд повисла многозначительная пауза.

– Ты что, успела переспать с начальником? – буркнул бывший.

– Переспать – это твоё любимое занятие, – откликнулась девушка.

– И всё же, с чего он вдруг так подобрел? – не отставал Славик.

– Я не могу разговаривать на остановке, – Галя огляделась по сторонам. Редкие прохожие старались спрятаться в тень.

– Тогда я сейчас за тобой заеду и отвезу в ритуальное агентство, – решил мужчина. – Заключите договор, они всё подсчитают – и ты отнесёшь документы своему шефу.

Галя подумала о том, что ей совсем не хочется сидеть со Славой в душном салоне его «мерседеса», но на улице было ещё хуже, и она согласилась.

– Давай. Знаешь остановку неподалёку от моей конторы?

– Да, ещё не забыл, – отозвался мужчина. – До встречи. Кстати, до скорой. Я всего в двух кварталах от тебя.

Галя потёрла колени, чувствуя, что её словно поджаривают на сковороде. Палящие лучи солнца проникли под тент и немилосердно обжигали ноги.

– Давай.

Глава 2

Слава примчался через пять минут. Усаживая в машину бывшую жену, он мечтательно закатил глаза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.